

16+

ЛИЯ ДЭЛЬ

ШЕЛТЕР

МИР, В КОТОРОМ НЕТ
МЕСТА ДЛЯ ЛЮБВИ

Лия Дэль

Шелтер. Призраки прошлого

«Автор»

2020

Дэль Л.

Шелтер. Призраки прошлого / Л. Дэль — «Автор», 2020

После Великой войны мир погрузился во тьму. В надежде спастись от Брегиса, смертельного вируса, люди хлынули в города, построенные, чтобы обезопасить тех, кто не заразился. Спустя сотни лет осталось только три города: Санктум, Миртен и Шелтер, город, в котором служит патрульным Ева М1/1. В её мире люди умирают и рождаются по расписанию, а Консолидаторы и Великая Шелта запросто могут сократить отведённый срок, если гражданин совершит преступление против государства. Ева отличается от остальных, а после плановой Зачистки по устранению предателей, начинает сомневаться в том, что меры государства оправдывают цели.

© Дэль Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	21
Глава четвёртая	25
Глава пятая	33
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лия Дэль

Шелтер. Призраки прошлого

Глава первая

– Новый день и новые цели перед Величественным Шелтером. Поблагодарим же нашего основателя за мир без Брегиса. И к новостям, – металлическим голосом взревел диктор из колонки, висевшей на северной стене, – отличный день для казни. На аллее Первых основателей задержан смертник, называющий себя Защитником. Но мы-то знаем его настоящее имя – Предатель, – почти прокричал диктор.

Ева вздрогнула, хотя она редко пугалась после того, как медики удвоили дозу энзомона. Перевернувшись с бока на спину, она уставилась в потолок. В висках стучало. Ева несколько недель назад начала замечать странное ощущение. Внутри словно что-то проснулось. Что-то неприятное и раздражающее. Зажмурившись, она увидела несколько живых образов из своего сна и почувствовала, как желудок тревожно сжимается и разжимается. Лекарство, призванное помочь с контролем эмоций, не справлялось. Вскинув обе руки вверх, Ева сначала потянулась, а после прижала их к груди, сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Спустив худые, но стройные ноги на прохладный пол, Ева слегка коснулась синяков. Они уже начали светлеть, особенно на правом колене, левое ещё пестрило разными оттенками синего и зелёного. На последнем занятии по смешанным техникам боя от палки офицера оно пострадало больше всего.

Собрав волосы в тугой хвост и смахнув с глаз остатки сна, Ева уставилась на приготовленный с вечера стакан с голубоватой жидкостью.

– Новый день, новые цели, – пробубнила девушка и, сморщившись, залпом выпила весь стакан.

– Приглашаем всех желающих посмотреть сегодня в 20:00 «Вечерние новости», а в 21:00 шоу «Казнь». Вы узнаете, настоящее имя предателя и его звание. Сможете в прямом эфире выбрать офицера, которому достанется честь казни. И главное – поучаствуете в розыгрыше дополнительной недели жизни, – не унимался диктор.

За месяц поймали уже троих. «Слишком много», – думала Ева. Раньше и подвальные, и смертники были куда осмотрительнее. Полгода назад никому не удавалось даже мельком увидеть предателя. Ева убавила громкость и подошла к окну. Огромное, почти во всю стену, оно не позволяло остаться наедине со своими мыслями. Потому что их не должно быть. Так велел Кодекс. Ева подняла жалюзи, и слабый луч солнца скользнул в светлую комнату с сиреневыми стенами, не тронув только угол, в котором пряталась кровать.

Последний месяц лета в этом году изматывал низкими температурами, но Кодекс обязывал ежедневно проветривать квартиру. Ева сдвинула створку и вдохнула сырой аромат асфальта. Ночью шёл дождь. Он всегда идёт ночью. Шатлы вторую сотню лет контролируют природные явления. Ева попыталась вспомнить, когда в последний раз она промокала под ливнем, и не смогла. Всё упорядочено, всё заложено в расписание.

Зевнув Ева неохотно хлопнула в ладоши. Звон прокатился по всей комнате, и она ожила: включился огромный телевизор, на кухне забурлила вода в чайнике. Маленькую квартирку в западной и самой благоустроенной части Шелтера наполнили яркие насыщенные звуки старинной музыки.

На мгновение Ева задержалась перед экраном. Склонив голову, она вслушивалась в знакомую мелодию с древней цифровой записи. Да, несомненно, это был «Реквием» Моцарта. Ева часто слышала его, будучи совсем маленькой. «С эмоциями сложно, но я справлюсь», – поду-

мала она и нахмурилась. Хор всё громче тянул *Lacrimosa*, втягивая в неизбежные размышления.

– Слезный день.

Она подумала, что это удовлетворительно прекрасно, включать «Реквием» перед казнью. Впервые Ева услышала произведение ещё ребёнком, лет в шесть.

«Шесть. Да, кажется, мне было тогда шесть. Из Санктума приехал какой-то известный историк. Нас привели в зал, точно такой, как сейчас в Патрулате. Несколько ступенек на сцену, в глубине которой виднелся экран, а по центру трибуна. Историк всё время вставал на носочки, пытаясь казаться выше. Он часто поправлял круглые очки в тонкой металлической оправе и приглаживал седые волосы у висков.

– Зачем он носит эти штуки на лице?

– Это очки, Ева, – Нэни-216 поправила мои волосы, – их носят те, кому нельзя сделать операцию и вернуть ясное зрение.

– Это смешно, – я хихикнула, прикрыв рот обеими руками.

– Смешнее то, что очки ему не помогают, – шепнула Нэни-216.

Через год её арестовали. Но к тому времени правила и ценности Миртена так глубоко во мне засели, что на исчезновение Нэни я не обратила никакого внимания. Словно её и не было.

На фоне выступления играла часть *Dies irae*¹. Историк почти час вещал о вреде эмоций и привязанностей. Рассказывал, что мужчин и женщин иногда тянет друг к другу. И хуже этого мало что можно придумать. Страшное слово «ЛЮБОВЬ» он произносил с присущей всем из отдела ИО-1² ненавистью. Зато с восторгом рассказывал о Великой войне³, которая обрушилась на мир в конце XXI века после появления Брегиса. Он восхвалял труд изобретателей Энзониума, вещества, которое спасло человеческий вид от вымирания сотни лет назад. Говорил о важности следования правилам, чтобы не вернуться в Тёмные времена, и про доносы. На это историк сделал особый упор. Как сейчас помню его слова: «Проявите заботу о городах и мире в их стенах. Сообщите, если ваш одноклассник излишне эмоционален». Воодушевлённые этой речью дети сообщали. За неделю мы потеряли десятерых. Юные граждане чрезвычайно ответственные. Этому нас научила Великая Шелта. Та самая, первая. Та, кто сумела основать Шелтер, Санктум и Миртен, город, в котором 20 лет назад родилась я».

Ева отвлеклась от оркестра на экране и уловила своё отражение, танцующее между скрипок и чёрных фраков. Оно не выглядело властным или суровым, как полагалось патрульному. Тонкие черты лица, небольшие каре-зелёные глаза с ореолом выгоревших ресниц, растрёпанные волосы цвета высушенной солнцем земли, пухлые бледные губы, тонкая шея и вполне гармонично сложенное тело.

Провела рукой по лицу и представила, будто бы она сама Шелта. Ева верила, что сможет дожить до того дня, когда её изберут на пост Великой. Никто из жителей не знал, когда происходит выбор, и кто станет следующей. У Евы была теория, что на самом деле новой правительницей может стать та, чью жизнь Шелта забрала раньше времени. По-другому девушка не могла объяснить причину, такой таинственной жизни Великой.

Ева расправила плечи, выдохнула и подошла к зеркалу у входа.

– Сила и уважение – вот два столпа, на которых мы построим будущее, – прошептала она, пригладив волосы.

¹ День гнева

² ИО – исторический отдел. ИО-1 – отдел, занимающийся изучением эмоциональной составляющей искусства.

³ Великая война началась 27 июля 2082 г. На территории Национального института по борьбе с вирусными заболеваниями в Санкт-Петербурге велась работа по поиску лекарства против Брегиса. Новость о том, что учёным удалось приблизиться к решению проблемы, разлетелась мгновенно. Люди хлынули в столицу борьбы с вирусом. Правительства боролись за право обладать самой ценной разработкой века, ну а простые люди стремились спастись.

Но одна прядь снова и снова вырывалась из общего строя и выпрыгивала вверх. Ева нахмурилась и с уже большей силой придавила волосы. В этом сражении ей удалось победить. Девушка довольно улыбнулась своему отражению и слегка кивнула. Патрульный обязан быть безупречным: его речь, внешний вид, мысли – всё должно говорить об идеальном человеке. И Ева всеми силами стремилась к идеалу. Все к нему стремились. Все были похожи. Быть другим значило иметь мнение отличное от мнения Консолидатора и Шелты.

Наручные часы лёгкой вибрацией напомнили о необходимости позавтракать и привести себя в порядок. Ева ещё с минуту постояла у зеркала, разглядывая важные, по её мнению, недостатки: тонкие руки, широкие бёдра и несколько родинок на лице. В шестнадцать она хотела их свести и даже обратилась в Медицинариум, но доктор наотрез отказалась проводить операцию. Тогда Ева сильно разозлилась, чем привлекла ненужное внимание. В медицинской карте появились рекомендации о дополнительном посещении психолога и увеличении дозы энзомона. И теперь, когда Ева смотрела на эти три тёмных пятнышка на своём лице, она вспоминала о том, что до идеала далеко. Но она стремилась, как и любой гражданин: много читала политической литературы, пять раз в неделю занималась спортом, особенно её привлекал бег, ходила на лекции по истории, знала биографию всех Консолидаторов, а по воскресеньям посещала церковь во имя святой Александры, Великой Шелты и вершительницы судеб.

В прошлое воскресенье, когда священник читал свою проповедь, в зал вошёл пожилой человек, на вид лет тридцати девяти. Он спросил, почему должен уйти тогда, когда не готов. Священник рассказал ему о важности принятия смертного часа. Он говорил, что благо I века новейшей эры – знание точного срока. Но человек всё не унимался. Тогда Ева приняла решение его арестовать. Она не была при исполнении, но считала своим долгом избавить общество от агрессивного его члена. Девушка гордилась тем, что могла сделать мир лучше, пусть и в маленьких масштабах.

В сиреневой ванной комнате, освещённой одним светильником, хватало места только, чтобы зайти, постоять и выйти. Душевая кабина, рядом шкафчик-зеркало и унитаз. В каждой квартире, каждом доме ваннны комнаты одинаковые: планировка, цвет и даже запахи. В Кодексе благополучной жизни, который подруга Евы называла Жабой, прописывался каждый шаг, и даже каждая правильная мысль. Ева восхищалась Кодексом и говорила, что, благодаря такому великому труду, город лишён пустых переживаний.

Когда есть правила на все случаи, нет необходимости волноваться. Не нужно мучительно выбирать одежду перед выходом на работу. Не нужно решать кем быть, когда вырастешь. Всё становится проще, если жизнь не даёт массу вариантов. Хотя кое-что Ева с радостью бы выбрала. Например, вкус пасты, которой она чистила зубы несколько раз в день – мятный и такой резкий, что щипали язык и дёсны. Она ненавидела этот вкус и запах, и каждый раз морщилась от одной только мысли, что снова придётся ощутить неприятное жжение во рту. Ева брезгливо бросила взгляд в раковину на пену от пасты. Она сползала вниз, в сливное отверстие, оставляя длинные следы. Ещё ей не нравились продуктовые карточки, нормы воды на утренние и вечерние процедуры, короткий жизненный срок и приевшийся цвет стен.

Ева посмотрела на небольшой экран рядом с душем «Граждане, помните о 117 статье Кодекса, экономьте воду. На утренние процедуры ставьте таймер на 15 минут. Берегите Шелтер». Выставив время, Ева встала под тёплый и приятный дождь. Но не успела она насладиться, как ванную оглушил громкий писк таймера и неприятный женский голос: «Нормы воды на утренние процедуры, решением Консолидата, сокращены до 10 минут, приносим свои извинения».

– Серьёзно? – взывала Ева, стоя с пеной по всему телу.

Пришлось намочить полотенце и стереть липкий мыльный слой.

После водных процедур – холодный, оставшийся с вечера, «Новый кофе» и заветренный квадратик тоста. Хлеб закончился ещё на прошлой неделе, но Ева забыла получить карточки на его выдачу, поэтому ждала следующего раза.

Проблемы с продуктами, по данным 97 главы Исторического справочника, начались ещё в середине XXI века. Из-за «синдрома разрушения пчелиных колоний» человечество столкнулось с проблемами биосферы, к счастью, в 2034 было найдено решение, но добычу мёда в промышленных масштабах запретили. Кофе исчез ещё до сороковых годов XXI века. А количество натурального хлеба сократилось в десять раз. Кто бы мог подумать, что в современном мире он станет элементом роскоши и будет выдаваться только патрульным, медикам и детям.

Города питались привычными соевыми и генетически модифицированными продуктами. Каждые два дня большой сиреневый фургон привозил коробку с минимальным набором: витамины, соевые молоко и мясо, горсть крупы, чаще гречки, которую Ева ела с большим трудом, немного настоящей зелени и соусы, состав которых оставался производственной тайной. Корзина патрульным выглядела куда привлекательнее; настоящий хлеб, по одному кусочку в день, раз в месяц яблоко и упаковка напитка с громким названием «Новый кофе», кукуруза выдавалась раз в неделю. Ева ждала этого дня, как праздника, потому что могла наесться до отвала, а потом всю неделю довольствоваться столовской кашей, жидкой и тягучей, и странным напитком, название которого не знала.

Незначительная мелочь, как думала Ева. На самом деле она гордилась тем, что в пятилетнем возрасте удостоилась чести распределения на службу в Патрулат. Благодаря этому она получила множество возможностей для самореализации и карьерный рост. Не во всех сферах в Шелтере можно вырасти до руководителя. Например, секретари всю жизнь занимались только одним – оформляли документы и приносили напитки. В отделе воспитания – кормили детей и вытирали сопливые носы. А Ева считала, что умеет в этой жизни только одно – охранять порядок. Огорчало лишь последний год службы. Начальство не выпускало Еву на патрулирование улиц. Приходилось часами заполнять документы. Она боялась, что всё идёт к переводу в «бумажный» отряд.

Остроты добавляли еженедельные, а порой и ежедневные посещения доктора Р. Она пыталась выудить новую информацию о снах и переживаниях Евы. Временами её напор пугал. Ева вспоминала фильмы на уроках биологии. Им часто показывали леопардов на охоте. Огромные и величественные они в одиночку убивали жертву, вгрызаясь ей в горло. Ева представляла, будто это она та самая жертва, в горло которой впивается леопард Р. И сегодня ожидал тот самый день, день охоты.

В 6:15 в квартиру ворвался запах горячей выпечки, а вместе с ним влетела Марта, единственная подруга Евы, полная её противоположность. Высокая, с забранными в пучок чёрными волосами, лёгкой сутулостью, большими серыми глазами и маленьким, вечно приоткрытым ртом. Она привычно хлопнула дверью, бросила на столик свою ключ-карту и разорвала полотно спокойствия в комнате, которая играла роль и спальни, и гостиной.

– Я думала, ты уже собралась. Вот, принесла тебе булочку, ты же снова забыла взять карточку на хлеб, – прозвенел голос Марты.

– Да, я сегодня немного опаздываю. Спасибо, – Ева ещё раз приладила волосы, расправила плечи и дёрнула вниз кожаную куртку.

– Удивительно, – расхохоталась Марта, чем привела Еву в замешательство. Она не понимала, что смешного в том, что она впервые в своей жизни немного опоздала, – нет, мне удивительно, что самая пунктуальная и самая ответственная девушка не вписалась в рамки своего же графика, – протянула подруга, задыхаясь от смеха.

Ева сделала глубокий выдох и покосилась на Марту. Чувство раздражения сменилось на благодарность. Она не могла долго на неё злиться, потому что понимала, друзьями в этом мире не стоит разбрасываться, особенно если он у тебя всего один.

После переезда в Шелтер и получения должности в отделе распределения, Ева долго была невидимкой. Маленькая девочка в новом мире. Марта первая заговорила с ней, первая предложила поддержку. Ева считала, что было бы глупо грубить подруге.

– Спасибо за ценное замечание. Ты сегодня принимала Энзомон? Твоё настроение кажется слишком подвижным? Я бы сказала по шкале Юниса оно на девятке.

– Прошу, не будь такой занудой, – взывала Марта и откинула голову назад. Она не выносила, когда кто-то делал ей замечания, но сама частенько критиковала, в особенности Еву. Хотя, сама этого не замечала и не признавала, – я успею устать от наставлений Артура. Кстати, ты знаешь, что он будет принимать участие в подготовке казни Защитника.

– Не удивительно, он так и рвётся в высшие чины.

– Будто ты и сама не хочешь когда-нибудь стать генералом, – язвительно заметила Марта.

– Надеюсь, я смогу добиться этой цели, – Ева вытянулась по струнке, – я готова идти.

– Всё-таки объясни, зачем тебе это нужно? Неужели ты хочешь стать похожей на вашего Марка или ещё хуже Мариуса? Объясни, – Марта встала у входа, преградив Еве дорогу.

– Я хочу изменить мир, в котором мы живём. И для этого не нужно становиться Марком или Мариусом. Этого объяснения тебе достаточно? – Ева улыбнулась и открыла дверь. Марта издала что-то напоминающее смех и приобняла Еву за плечо.

– Хорошо, мне достаточно знать, что ты мечтатель и бунтарь.

– Не говори чепухи. Я верна городу и его законам, – Ева нахмурила брови.

Довольная Марта, ощущая вкус очередной победы, вышла вперёд. Ева неловко хлопнула дверью, но услышала сообщение и вернулась.

– Ева M1/1, патрульный девятого отряда, для вас срочное сообщение.

Торопливо нажав на значок сообщения на экране у двери, девушка внимательно прислушалась.

– Консолидат спешит сообщить, что отряд номер девять центрального Патрулата выбран для участия в проведении мероприятия по зачистке бывшего жилого района номер семнадцать.

Марта и Ева переглянулись.

– Зачистка будет проведена через десять дней. Начальник вашего отряда сообщит подробности мероприятия. Да здравствует Шелта. Продуктивного дня.

– И что это было? – прошептала Марта и вышла в коридор.

– У меня колени, кажется подкашиваются, – Ева побледнела и прислонилась к дверному косяку. Она столько раз представляла, как сможет принять участие в чём-то масштабном, но сейчас испугалась. Зачистка означала выход из зоны комфорта. Она уже продумала, как будет усиленно тренироваться, как попросит дополнительные часы на стрельбу. Шанс. Это значило, что теперь появился шанс заявить о себе и показать начальству, что она готова пойти на повышение. Ева, наконец, выдохнула и вышла, хлопнув дверью.

– Чего хлопаешь? Принимала энзомон? – подначивала Марта.

Она тоже нервничала, но старательно показывала подруге, что новость её несколько не удивила. Марта терпеть не могла любые мероприятия Консолидата, потому что все они были связаны с убийством.

– Да, – Ева улыбнулась, пытаясь унять дрожь в руках, – Давай сегодня на поезде до Патрулата?

– С ума сошла? Погода отличная. Тут идти-то минут тридцать – сорок.

– Но погода всегда отличная, – отозвалась Ева и закатила глаза.

– Поезд – скука смертная, не глупи. Куда интереснее прогуляться по набережной.

– Пойдём, правила поощряют прогулки перед работой, – процедила Ева.

Марте казалось, что только она знает самые интересные места. Хотя Ева смутно представляла слово «интересные». Всё, что она знала, было «удовлетворяющим любопытство» или «удовлетворительно хорошим». Но Марта использовала совсем другие фазы. Фразы, вызываю-

щие тревогу, которую Ева была вынуждена скрывать даже от подруги. Правила города гласили, что любой, кто проявит излишнюю эмоциональность, будет признан заражённым и его казнят.

Каждый патрульный знал, что предатели, подвальные, появились почти сто пятьдесят лет назад. Тогда по городам Консолидата прокатилась Кровавая волна. Люди начали отказываться от приёма Энзомона и как гласят старые статьи, не смогли контролировать эмоции. 14 апреля девяносто пять лет назад мирное шествие граждан в честь юбилея власти Консолидатора нарушила преследуемая законом организация «НРО»⁴. Восстание было подавлено, благодаря мужеству патрульных, так тоже было написано в газетах. После этого случая большую часть служащих Патрулата направили на постоянное место жительства в промышленные зоны. Им пришлось хуже всего. Рабочие – народ простой. Они не сразу приняли новые порядки. Пытались бунтовать. В поддержку НРО завод по переработке мусора отказался принимать энзомон, но Великая Шелта смогла донести до них всю важность перемен и контроля. Ходили слухи, что она лично приезжала к ним. Только когда рабочие увидели Шелту своими глазами, смогли успокоиться и вернулись к привычному ритму жизни.

Марта остановилась у перил и прищурила глаза, всматриваясь в людей на пляже. Супружеские пары. Они казались девушке самой настоящей подделкой. Только ячейка общества. Никаких привязанностей. Супруг и супруга сидят вдаль друг от друга и молчат. Марта не понимала смысла этого союза. Она часто рассказывала Еве о странном слове «семья», о детях, которые рождались в браке и воспитывались родителями.

– Смотри, – заговорила Марта, – как думаешь, зачем они это делают?

– Что именно? – Ева подошла ближе и повисла на перилах.

– Делают вид, что вместе им интересно.

– С чего ты взяла, что они делают вид? Я думаю, им действительно интересно. Мы же с тобой нашли общий язык.

– Мы не семья, – вспыхнула Марта.

– Поспокойнее, – Ева прищурилась, – семья, как аппендикс.

– Неужели ты такая узколобая, что не понимаешь главного, семья – не что-то лишнее.

В семье заключается сила человека.

– Заключалась.

– Что?

– Ты хотела сказать заключалась. Верно? Семей больше не существует.

– Верно. Вместо любимого мужа и жены – супруг и супруга. Вместо родителей – донор-1 и донор-2.

– Это удовлетворяет потребность человека в компании. Глава первая— Новый день и новые цели перед Величественным Шелтером. Поблагодарим же нашего основателя за мир без Брегиса. И к новостям, – металлическим голосом взревел диктор из колонки, висевшей на северной стене, – отличный день для казни. На аллее Первых основателей задержан смертник, называющий себя Защитником. Но мы-то знаем его настоящее имя – Предатель, – почти прокричал диктор.

Ева вздрогнула, хотя она редко пугалась после того, как медики удвоили дозу энзомона. Перевернувшись с бока на спину, она уставилась в потолок. В висках стучало. Ева несколько недель назад начала замечать странное ощущение. Внутри словно что-то проснулось. Что-то неприятное и раздражающее. Зажмурившись, она увидела несколько живых образов из своего сна и почувствовала, как желудок тревожно сжимается и разжимается. Лекарство, призванное помочь с контролем эмоций, не справлялось. Вскинув обе руки вверх, Ева сначала потянулась, а после прижала их к груди, сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Спустив худые, но стройные ноги на прохладный пол, Ева слегка коснулась синяков. Они уже начали светлеть, особенно на правом колене, левое ещё пестрило разными оттенками синего и зелёного. На последнем занятии по смешанным техникам боя от палки офицера оно

пострадало больше всего. Собрав волосы в тугий хвост и смахнув с глаз остатки сна, Ева устала на приготовленный с вечера стакан с голубоватой жидкостью.

– Новый день, новые цели, – пробубнила девушка и, сморщившись, залпом выпила весь стакан.

– Приглашаем всех желающих посмотреть сегодня в 20:00 «Вечерние новости», а в 21:00 шоу «Казнь». Вы узнаете, настоящее имя предателя и его звание. Сможете в прямом эфире выбрать офицера, которому достанется честь быть палачом. И главное – поучаствуете в розыгрыше дополнительной недели жизни, – не унимался диктор. За месяц поймали уже троих. «Слишком много», – думала Ева. Раньше и подвальные, и смертники были куда осмотрительнее. Полгода назад никому не удавалось даже мельком увидеть предателя. Ева убавила громкость и подошла к окну. Огромное, почти во всю стену, оно не позволяло остаться наедине со своими мыслями. Потому что их не должно быть. Так велел Кодекс. Ева подняла жалюзи, и слабый луч солнца скользнул в светлую комнату с сиреневыми стенами, не тронув только угол, в котором пряталась кровать.

Последний месяц лета в этом году изматывал низкими температурами, но Кодекс обязывал ежедневно проветривать квартиру. Ева сдвинула створку и вдохнула сырой аромат асфальта. Ночью шёл дождь. Он всегда идёт ночью. Шаттлы вторую сотню лет контролируют природные явления. Ева попыталась вспомнить, когда в последний раз она промокала под ливнем, и не смогла. Всё упорядочено, всё заложено в расписание.

Зевнув, Ева неохотно хлопнула в ладоши. Звон прокатился по всей комнате, и она ожила: включился огромный телевизор, на кухне забурилась вода в чайнике. Маленькую квартирку в западной и самой благоустроенной части Шелтера наполнили яркие насыщенные звуки старинной музыки.

На мгновение Ева задержалась перед экраном. Склонив голову, она вслушивалась в знакомую мелодию с древней цифровой записи. Да, несомненно, это был «Реквием» Моцарта. Ева часто слышала его, будучи совсем маленькой. «С эмоциями сложно, но я справлюсь», – подумала она и нахмурилась. Хор всё громче тянул *Lacrimosa*, втягивая в неизбежные размышления.

– Слезный день. Она подумала, что это удовлетворительно прекрасно, включать «Реквием» перед казнью. Впервые Ева услышала произведение ещё ребёнком.

«Шесть. Да, кажется, мне было тогда шесть. Из Санктума приехал какой-то известный историк. Нас привели в зал, точно такой, как сейчас в Патрулате. Несколько ступенек на сцену, в глубине которой виднелся экран, а по центру трибуна. Историк всё время вставал на носочки, пытаясь казаться выше. Он часто поправлял круглые очки в тонкой металлической оправе и приглаживал седые волосы у висков.

– Зачем он носит эти штуки на лице?

– Это очки, Ева, – Нэни-216 поправила мои волосы, – их носят те, кому нельзя сделать операцию и вернуть ясное зрение.

– Это смешно, – я хихикнула, прикрыв рот обеими руками.

– Смешнее то, что очки ему не помогают, – шепнула Нэни-216.

Через год её арестовали. Но к тому времени правила и ценности Миртена так глубоко во мне засели, что на исчезновение Нэни я не обратила никакого внимания. Словно её и не было.

На фоне выступления играла часть *Dies irae*[1]. Историк почти час вещал о вреде эмоций и привязанностей. Рассказывал, что мужчин и женщин иногда тянет друг к другу. И хуже этого мало что можно придумать. Страшное слово «ЛЮБОВЬ» он произносил с присущей всем из отдела ИО-1[2] ненавистью. Зато с восторгом рассказывал о Великой войне[3], которая обрушилась на мир в конце XXI века после появления Брегиса. Он восхвалял труд изобретателей Энзониума, вещества, которое спасло человеческий вид от вымирания сотни лет назад. Говорил о важности следования правилам, чтобы не вернуться в Тёмные времена, и про доносы. На

это историк сделал особый упор. Как сейчас помню его слова: «Проявите заботу о городах и мире в их стенах. Сообщите, если ваш одноклассник излишне эмоционален». Воодушевлённые этой речью дети сообщали. За неделю мы потеряли десятерых. Юные граждане чрезвычайно ответственные. Этому нас научила Великая Шелта. Та самая, первая. Та, кто сумела основать Шелтер, Санктум и Миртен, город, в котором 20 лет назад родилась я».

Ева отвлеклась от оркестра на экране и уловила своё отражение, танцующее между скрипок и чёрных фраков. Оно не выглядело властным или суровым, как полагалось патрульному. Тонкие черты лица, небольшие каре-зелёные глаза с ореолом выгоревших ресниц, растрёпанные волосы цвета высушенной солнцем земли, пухлые бледные губы, тонкая шея и вполне гармонично сложенное тело.

Провела рукой по лицу и представила, будто бы она сама Шелта. Ева верила, что сможет дожить до того дня, когда её изберут на пост Великой. Никто из жителей не знал, когда происходит выбор и кто станет следующей. У Евы была теория, что на самом деле новой правительницей может стать та, чью жизнь Шелта забрала раньше времени. По-другому девушка не могла объяснить причину такой таинственной жизни Великой. Ева расправила плечи, выдохнула и подошла к зеркалу у входа.

– Сила и уважение – вот два столпа, на которых мы построим будущее, – прошептала она, пригладив волосы. Но одна прядь снова и снова вырывалась из общего строя и выпрыгивала вверх. Ева нахмурилась и с уже большей силой придавила волосы. В этом сражении ей удалось победить. Девушка довольно улыбнулась своему отражению и слегка кивнула. Патрульный обязан быть безупречным: его речь, внешний вид, мысли – всё должно говорить об идеальном человеке. И Ева всеми силами стремилась к идеалу. Все к нему стремились. Все были похожи. Быть другим значило иметь мнение, отличное от мнения Консолидатора и Шелты.

Наручные часы лёгкой вибрацией напомнили о необходимости позавтракать и привести себя в порядок. Ева ещё с минуту постояла у зеркала, разглядывая важные, по её мнению, недостатки: тонкие руки, широкие бёдра и несколько родинок на лице. В шестнадцать она хотела их свести и даже обратилась в Медицинариум, но доктор наотрез отказалась проводить операцию. Тогда Ева сильно разозлилась, чем привлекла ненужное внимание. В медицинской карте появились рекомендации о дополнительном посещении психолога и увеличении дозы энзомона. И теперь, когда Ева смотрела на эти три тёмных пятнышка на своём лице, она вспоминала о том, что до идеала далеко. Но она стремилась, как и любой гражданин: читала политическую литературу, пять раз в неделю занималась спортом, особенно её привлекал бег, ходила на лекции по истории, знала биографию всех Консолидаторов, а по воскресеньям посещала церковь во имя святой Александры, Великой Шелты и вершительницы судеб. В прошлое воскресенье, когда священник читал свою проповедь, в зал вошёл пожилой человек, на вид лет тридцати девяти. Он спросил, почему должен уйти тогда, когда не готов. Священник рассказал ему о важности принятия смертного часа. Он говорил, что благо I века новейшей эры – знание точного срока. Но человек всё не унимался. Тогда Ева приняла решение его арестовать. Она не была при исполнении, но посчитала своим долгом избавить общество от агрессивного его компонента. Девушка гордилась тем, что могла сделать мир лучше, пусть и в маленьких масштабах.

В сиреновой ванной комнате, освещённой одним светильником, хватало места только, чтобы зайти, постоять и выйти. Душевая кабина, рядом шкафчик-зеркало и унитаз. В каждой квартире, каждом доме ванные комнаты одинаковые: планировка, цвет и даже запахи. В Кодексе благополучной жизни, который подруга Евы называла Жабой, прописывался каждый шаг и даже каждая правильная мысль. Ева восхищалась Кодексом и говорила, что, благодаря такому великому труду город лишён пустых переживаний.

Когда есть правила на все случаи, нет необходимости волноваться. Не нужно мучительно выбирать одежду перед выходом на работу. Не нужно решать кем быть, когда вырастешь.

Всё становится проще, если жизнь не даёт массу вариантов. Хотя кое-что Ева с радостью бы выбрала. Например, вкус пасты, которой она чистила зубы несколько раз в день – мятный и такой резкий, что щипали язык и дёсны. Она ненавидела этот вкус и запах, и каждый раз морщилась от одной только мысли, что снова придётся ощутить неприятное жжение во рту. Ева брезгливо бросила взгляд в раковину на пену от пасты. Она сползала вниз, в сливное отверстие, оставляя длинные следы. Ещё ей не нравились продуктовые карточки, нормы воды на утренние и вечерние процедуры, короткий жизненный срок и приевшийся цвет стен.

Ева посмотрела на небольшой экран рядом с душем «Граждане, помните о 117 статье Кодекса, экономьте воду. На утренние процедуры ставьте таймер на 15 минут. Берегите Шелтер». Выставив время, Ева встала под тёплый и приятный душ. Но не успела она насладиться, как ванную оглушил громкий писк таймера и неприятный женский голос: «Нормы воды на утренние процедуры, решением Консолидата, сокращены до 10 минут, приносим свои извинения».– Серьёзно? – взывала Ева, стоя с пеной по всему телу.

Пришлось намочить полотенце и стереть липкий мыльный слой. После водных процедур – холодный, оставшийся с вечера, «Новый кофе» и заветренный квадратик тоста. Хлеб закончился ещё на прошлой неделе, но Ева забыла получить карточки на его выдачу, поэтому ждала следующего раза.

Проблемы с продуктами, по данным 97 главы Исторического справочника, начались ещё в середине XXI века. Из-за «синдрома разрушения пчелиных колоний» человечество столкнулось с проблемами биосферы, к счастью, в 2034 было найдено решение, но добычу мёда в промышленных масштабах запретили. Кофе исчез ещё до сороковых годов XXI века. А количество натурального хлеба сократилось в десять раз. Кто бы мог подумать, что в современном мире он станет элементом роскоши и будет выдаваться только патрульным, медикам и детям.

Города питались привычными соевыми и генетически модифицированными продуктами. Каждые два дня большой сиреневый фургон привозил коробку с минимальным набором: витамины, соевые молоко и мясо, горсть крупы, чаще гречки, которую Ева ела с большим трудом, немного настоящей зелени и соусы, состав которых оставался производственной тайной. Продуктовая корзина патрульного выглядела куда привлекательнее; настоящий хлеб, по одному кусочку в день, раз в месяц яблоко и упаковка напитка с громким названием «Новый кофе», кукуруза выдавалась раз в неделю. Ева ждала этого дня, как праздника, потому что могла наесться до отвала, а потом всю неделю довольствоваться столовской кашей, жидкой и тягучей, и странным напитком, название которого не знала.

Незначительная мелочь, как думала Ева. На самом деле она гордилась тем, что в пятилетнем возрасте удостоилась чести распределения на службу в Патрулат. Благодаря этому она получила множество возможностей для самореализации и карьерный рост. Не во всех сферах в Шелтере можно вырасти до руководителя. Например, секретари всю жизнь занимались только одним – оформляли документы и приносили напитки. В отделе воспитания – кормили детей и вытирали сопливые носы. А Ева считала, что умеет в этой жизни только одно – охранять порядок. Огорчал лишь последний год службы. Начальство не выпускало Еву на патрулирование улиц. Приходилось часами заполнять документы. Она боялась, что всё идёт к переводу в «бумажный» отряд.

Остроты добавляли еженедельные, а порой и ежедневные посещения доктора Р. Она пыталась выудить новую информацию о снах и переживаниях Евы. Временами её напор пугал. Ева вспоминала фильмы на уроках биологии. Им часто показывали леопардов на охоте. Огромные и величественные они в одиночку убивали жертву, вгрызаясь ей в горло. Ева представляла, будто это она та самая жертва, в горло которой впивается леопард Р. И сегодня был тот самый день, день охоты.

В 6:15 в квартиру ворвался запах горячей выпечки, а вместе с ним влетела Марта, единственная подруга Евы, полная её противоположность. Высокая, с забранными в пучок чёр-

ными волосами, лёгкой сутулостью, большими серыми глазами и маленьким, вечно приоткрытым ртом. Она привычно хлопнула дверью, бросила на столик свою ключ-карту и разорвала полотно спокойствия в комнате, которая играла роль и спальни, и гостиной.

– Я думала, ты уже собралась. Вот, принесла тебе булочку, ты же снова забыла взять карточку на хлеб, – прозвенел голос Марты.

– Да, я сегодня немного опаздываю. Спасибо, – Ева ещё раз пригладила волосы, расправила плечи и надела кожаную куртку.

– Удивительно, – расхохоталась Марта, чем привела Еву в замешательство. Она не понимала, что смешного в том, что она впервые в своей жизни немного опоздала, – нет, мне удивительно, что самая пунктуальная и самая ответственная девушка не вписалась в рамки своего же графика, – протянула подруга, задыхаясь от смеха. Ева сделала глубокий выдох и покосилась на Марту. Чувство раздражения сменилось на благодарность. Она не могла долго на неё злиться, потому что понимала – друзьями в этом мире не стоит разбрасываться, особенно если он у тебя всего один.

После переезда в Шелтер и получения должности в отделе распределения Ева долго была невидимкой. Маленькая девочка в новом мире. Марта первая заговорила с ней, первая предложила поддержку. Ева считала, что было бы глупо грубить подруге.

– Спасибо за ценное замечание. Ты сегодня принимала Энзомон? Твоё настроение кажется слишком подвижным? Я бы сказала, по шкале Юниса оно на девятке.

– Прошу, не будь такой занудой, – взвыла Марта и откинула голову назад. Она не выносила, когда кто-то делал ей замечания, но сама частенько критиковала, в особенности Еву. Хотя сама этого не замечала и не признавала, – я успею устать от наставлений Артура. Кстати, ты знаешь, что он будет принимать участие в подготовке казни Защитника?

– Не удивительно, он так и рвётся в высшие чины.

– Будто ты и сама не хочешь когда-нибудь стать генералом, – язвительно заметила Марта.

– Надеюсь, я смогу добиться этой цели, – Ева вытянулась по струнке, – я готова идти.

– Всё-таки объясни, зачем тебе это нужно? Неужели ты хочешь стать похожей на вашего Марка или, ещё хуже, Мариуса? Объясни, – Марта встала у входа, преградив Еве дорогу.

– Я хочу изменить мир, в котором мы живём. И для этого не нужно становиться Марком или Мариусом. Этого объяснения тебе достаточно? – Ева улыбнулась и открыла дверь. Марта издала звук, напоминающий смех, и приобняла Еву за плечо.

– Хорошо, мне достаточно знать, что ты мечтатель и бунтарь.

– Не говори чепухи. Я верна городу и его законам, – Ева нахмурила брови.

Довольная Марта, ощущая вкус очередной победы, вышла вперёд. Ева неловко хлопнула дверью, но услышала сообщение и вернулась.

– Ева M1/1, патрульный девятого отряда, для вас срочное сообщение. Торопливо нажав на значок сообщения на экране у двери, девушка внимательно прислушалась.

– Консолидат спешит сообщить, что отряд номер девять центрального Патрулата выбран для участия в проведении мероприятия по зачистке бывшего жилого района номер семнадцать. Марта и Ева переглянулись.

– Зачистка будет проведена через десять дней. Начальник вашего отряда сообщит подробности мероприятия. Да здравствует Шелта. Продуктивного дня.

– И что это было? – прошептала Марта и вышла в коридор.

– У меня колени, кажется, подкашиваются, – Ева побледнела и прислонилась к дверному косяку. Она столько раз представляла, как сможет принять участие в чём-то масштабном, но сейчас испугалась. Зачистка означала выход из зоны комфорта. Она уже продумала, как будет усиленно тренироваться, как попросит дополнительные часы на стрельбу. Шанс. Это значило, что теперь появился шанс заявить о себе и показать начальству, что она готова пойти на повышение. Ева, наконец, выдохнула и вышла, хлопнув дверью.

– Чего хлопаешь? Принимала энзомон? – подначивала Марта.

Она тоже нервничала, но старательно показывала подруге, что новость её нисколько не удивила. Марта терпеть не могла любые мероприятия Консолидата, потому что все они были связаны с убийством.

– Да, – Ева улыбнулась, пытаясь унять дрожь в руках. – Давай сегодня на поезде до Патрулата?

– С ума сошла? Погода отличная. Тут идти-то минут тридцать – сорок.

– Но погода всегда отличная, – отозвалась Ева и закатила глаза.

– Поезд – скука смертная, не глупи. Куда интереснее прогуляться по набережной.

– Пойдём, правила поощряют прогулки перед работой, – процедила Ева. Марте казалось, что только она знает самые интересные места. Хотя Ева смутно представляла слово «интересные». Всё, что она знала, было «удовлетворяющим любопытство» или «удовлетворительно хорошим». Но Марта использовала совсем другие фазы. Фразы, вызывающие тревогу, которую Ева была вынуждена скрывать даже от подруги. Правила города гласили, что любой, кто проявит излишнюю эмоциональность, будет признан заражённым и его казнят.

Каждый патрульный знал, что предатели, подвальные, появились почти сто пятьдесят лет назад. Тогда по городам Консолидата прокатилась Кровавая волна. Люди начали отказываться от приёма Энзомона и, как гласят старые статьи, не смогли контролировать эмоции. 14 апреля девяносто пять лет назад мирное шествие граждан в честь юбилея власти Консолидатора нарушила преследуемая законом организация «НРО». Восстание было подавлено благодаря мужеству патрульных, так тоже было написано в газетах. После этого случая большую часть служащих Патрулата направили на постоянное место жительства в промышленные зоны. Им пришлось хуже всего. Рабочие – народ простой. Они не сразу приняли новые порядки. Пытались бунтовать. В поддержку НРО завод по переработке мусора отказался принимать энзомон, но Великая Шелта смогла донести до них всю важность перемен и контроля. Ходили слухи, что она лично приезжала к ним. Только когда рабочие увидели Шелту своими глазами, они смогли успокоиться и вернулись к привычному ритму жизни. Марта остановилась у перил и прищурила глаза, всматриваясь в людей на пляже. Супружеские пары. Они казались девушке самой настоящей подделкой. Только ячейка общества. Никаких привязанностей. Супруг и супруга сидят вдали друг от друга и молчат. Марта не понимала смысла этого союза. Она часто рассказывала Еве о странном слове «семья», о детях, которые рождались в браке и воспитывались родителями.

– Смотри, – заговорила Марта, – как думаешь, зачем они это делают? – Что именно? – Ева подошла ближе и повисла на перилах.

– Делают вид, что вместе им интересно.

– С чего ты взяла, что они делают вид? Я думаю, им действительно интересно. Мы же с тобой нашли общий язык.

– Мы не семья, – вспыхнула Марта.

– Поспокойнее, – Ева прищурилась, – семья, как аппендикс.

– Неужели ты такая урколобая, что не понимаешь главного, семья – не что-то лишнее.

В семье заключается сила человека.

– Заключалась.

– Что? – Ты хотела сказать, заключалась. Верно? Семей больше не существует.

– Верно. Вместо любимого мужа и жены – супруг и супруга. Вместо родителей – донор-1 и донор-2.

– Это удовлетворяет потребность человека в компании.

– Да, удовлетворяет.

– Только представь, – Ева улыбнулась и положила руку Марте на плечо, – когда-нибудь наши биоматериалы окажутся в лаборатории. Шелта подберёт для нас пары. Мы выносим плоды. Получим по дополнительному году.

– Ты говоришь об этом так, будто учебник читаешь.

– Ну, о процессе оплодотворения я узнала из учебника, – хихикнула Ева, – а ещё, ты же знаешь, я хотела стать Нэни. Дети – это так интересно.

– Да, только ты терпеть не можешь их, как ты там говоришь, их нытьё и сопливые носы.

– Никогда такого не говорила, – Ева напряглась, – пойдём. Мы можем опоздать. Ева совершенно не подходила по характеру для работы с детьми. Нэни, так называли воспитателей, были невероятно спокойными и безропотными созданиями. Они уважительно относились к каждому живому существу и напоминали, скорее придуманных людьми ангелов. – Ага, – Марта что-то пробурчала под нос и поравнялась с Евой.

[1] День гнева

[2] ИО – исторический отдел. ИО-1 – отдел, занимающийся изучением эмоциональной составляющей искусства.

[3] Великая война началась 27 июля 2082 г. На территории Национального института по борьбе с вирусными заболеваниями в Санкт-Петербурге велась работа по поиску лекарства против Брегиса. Новость о том, что учёным удалось приблизиться к решению проблемы, разлетелась мгновенно. Люди хлынули в столицу борьбы с вирусом. Правительства боролись за право обладать самой ценной разработкой века, ну а простые люди стремились спастись.

[4] НРО – народно-освободительное движение

Глава вторая

Сара первый день работала на новом месте. Секретариат Консолида всегда вызывал неподдельный интерес. Девушку посадили за небольшой старинный стол, на котором, кроме нового огромного планшета, ничего не было. Она сидела в полной тишине, и только частое постукивание коротеньких ногтей по экрану время от времени её нарушало. Сара была очень привлекательной: длинные ноги, обтянутые чёрной юбкой чуть ниже колен, тонкая талия, упругая грудь, светлые волосы в тугом хвосте, небольшие, но чувственные губы и карие глаза. Единственным, что заботило девушку, был срок, отведённый Шелтой. Она назначила дату её смерти в тридцать один. А Сара хотела побывать в Миртене. Она слышала, что в библиотеках города свободно разрешалось читать произведения XXI века. Единственная возможность ей виделась в рождении нового гражданина. В свои двадцать четыре Сара так и не получила семейной пары.

В холле раздался громкий звонок, а над дверью начальника Сары замигала красная лампочка. Девушка неспешно встала с места, взяла с соседнего столика чашечку сиреневого цвета и налила чай.

Кабинет Гая ослеплял солнечным светом. На двадцать девятом этаже он казался особенно ярким. Гай наслаждался теплом летнего солнца, поэтому никогда не зашторивал окон. И никогда не поворачивался к Саре лицом. Девушка несколько месяцев приносила чай, ставила на край стола и уходила. Она не знала, как выглядел Гай, какой у него голос, что ему нравилось, что нет. Будучи любопытной она иногда, подходя к столу, вставала на носочки, пытаясь рассмотреть хотя бы профиль.

И вот однажды, услышав звонок и увидев мигание красной лампочки, Сара приготовила чай и пошла в кабинет. И каково же было её удивление, когда она увидела перед собой высокого мужчину с чёрными волосами, серебристыми глазами, крупным носом с небольшой горбинкой и ярко выраженными скулами. Сара опешила. Она с приоткрытым ртом уставилась на начальника. Внутри что-то сжалось, так резко, что перехватило дыхание, а сердце заколотилось так громко, что в ушах зазвенело.

– Я слушал тебя и наблюдал, – он улыбнулся шире.

– Я не... – Сара запинаясь, не имея представления о том, что должна делать или говорить в такой ситуации.

Она привыкла к безмолвной спине и тихим вздохам, когда ойкала от периодической неуклюжести.

– Ты такая же, как я, Сара – снова заговорил Гай.

Он произнёс имя девушки так словно молот упал на наковальню и, не выдержав удара, растёкся по всему её телу.

– Я не понимаю, – Сара шагнула вперёд, хотя отчётливо понимала, что должна идти назад, от беды, в которую Гай её вовлекал.

– Понимаешь, – он тоже шагнул навстречу, а потом, забрав чашку с чаем и поставив её на стол, обхватил её тонкое запястье.

Сара вздрогнула, но руку не убрала, наслаждаясь теплом, которое растекалось по телу. Она не признавалась себе в том, что желала этого прикосновения с того момента, как вошла в кабинет впервые.

Теперь Сара спешила на работу больше обычного. Она сидела и ждала сигнала и мигания лампочки. Они срабатывали каждый день в одно и то же время. Девушка брала чашку, порой забыв налить туда чай, и шла к Гаю, на их тайное свидание за закрытыми шторами.

В среду возвращались с работы вместе по набережной, как и полагалось в метре друг от друга. Вечер был особенно тёплым. На пляж стекались граждане, чей рабочий день подошёл

к концу. Сара наслаждалась ветром, путавшимся в её кудрявых волосах. Гай тяжело дышал, набираясь мужества. Он остановил Сару.

– Давай пройдем по пляжу?

Она не стала сопротивляться, потому что очень любила песок, застревающий между пальцев. На пляже Гай снова остановил её.

– У нас проблемы.

Сара замерла и округлила и без того большие глаза. Ладони её вспотели, а колени задрожали. Гай никогда не заговаривал с ней о проблемах.

– Они знают про нас, – он смотрел куда-то в сторону, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Да и пляж для разговора был выбран не случайно. Оставаясь на виду у всех, можно не бояться, что тебя будут подслушивать. Нет, можно было бы поговорить и в кабинете, но велика вероятность, что весь он под завязку забит жучками.

У Сары дыхание перехватило, она дрожала вполне заметно, но старалась успокоиться. Гай продолжил:

– Мне друзья из сопротивления передали. Дорогая моя, прекрати дрожать. Нам нужно бежать. Сегодня же. Не бери никаких вещей. Только ты и я. Сможешь ночью выйти незамеченной на площадку перед домом?

– Думаю... да, Гай, я смогу.

– Хорошо. Люблю тебя. Улыбнись, – приказал он и сам растянул губы и неестественно засмеялся.

Сара торопливо обернулась и отозвалась смехом. Мимо них, неспешно прогуливаясь, двигался патрульный. Он кивнул, оскалился, подозрительно прищурился, но прошёл мимо.

Дождавшись глубокой ночи, Гай отправился за Сарой. Он, казалось, предусмотрел всё и даже больше. Она ждала его в обусловленном месте. Дрожала и думала, что совершает ошибку. Очень уж плотно сидела в голове мысль о том, что Консолидат справедлив и не позволит убить двух невинных людей. Ведь они с Гаем только целовались пару раз. А разве это могло привести к усыплению? Возможно, нужно пропить курс каких-то таблеток, отлежаться в медицинариуме... Гай был другого мнения. Он знал, что государство, как цепной пёс, будет охранять свои правила, традиции и законы. И этого знания хватало на двоих.

По плану, они должны были выбраться через подготовленный лаз в северной части стены. Гай связался с теми, кто давно перешёл на ту сторону, и был уверен в успешности побега. Но уже на полпути что-то пошло не так. Патрульные, которые должны были быть в другой части улицы, стояли на своём привычном месте. И не только они. Служителей порядка вообще было больше обычного. И Гай начал паниковать.

Он вместо того, чтобы сбавить темп или сменить улицу, ускорился, схватил Сару за руку и рванул напролом. Патрульным хватило пары секунд, чтобы заметить их. Они знали, где искать.

Сара скончалась сразу от выстрела в висок. Гаю повезло меньше. Он видел, как падает замертво его любимая, как кровь растекается по асфальту, чувствовал резкую боль в районе сердца. Лазер попал совсем близко. Второй выстрел пробил лёгкое. Гай захлёбывался в крови, хрипел и всё пытался в последний раз взять Сару за руку. Патрульный не позволил. Гай скончался от третьего выстрела. В голову.

Каждый враг государства должен быть уничтожен.

– Ты слышала про Сару? – вдруг заговорила Марта, нарушая задумчивость подруги. Она резко развернулась, и до Евы донёсся тёплый поток воздуха.

– Это которая училась с нами на одном курсе по истории?

– Да, – протянула Марта.

Ей в очередной раз показалось, что Ева слишком медленно соображает.

– Ну, конечно, я её помню. Тихоня. Не поднимала глаз, когда с ней говорили. Мне всегда казалось, что это немного странно.

– Её убили, – Марта выдохнула слово «убили» будто готовилась к этому целый день, – у неё была связь с Гаем из департамента по снабжению. Мне рассказали вчера. Он сделал первый шаг, можешь себе представить? – Марта прищурилась и склонилась над Евой.

Ей не терпелось увидеть реакцию подруги, которая слушала чуть ли не с открытым ртом.

– Это ужасно, – почти вскрикнула Ева, но тут же прикрыла рот обеими руками, точно так же, как это делают маленькие дети, которые знают, что сказали или сделали что-то плохое.

– Что ужасно? То, что они полюбили друг друга или то, что их убили?

– Здесь обо всём можно сказать «ужасно». Во-первых, твоя формулировка совершенно искажает суть ситуации. Их не убили, Шелта не может убить. Это называется «сократить срок».

– Называй убийство как угодно, суть не изменится, – Марта была недовольна замечанием подруги, – может, у тебя есть и во-вторых?

– Разумеется. Они оба совершили эмоциональное преступление. Понимаешь? Нет ничего хуже, – Ева склонила голову, словно пыталась выпепить из подруги поддержку, – мы рождаемся и умираем строго по расписанию – в этом вся суть. Это помогает городам жить. Родился, прожил достойную жизнь лет до тридцати пяти, принёс пользу обществу и всё, дай дорогу другим. А эти двое, вместо того, чтобы сделать что-то значимое, да простит меня Великая, обжимались по тёмным углам!

Марта промолчала. Она нахмурила широкие тёмные брови и напрягла губы так, что вокруг рта образовались неприятные морщинки. Потом она ускорила шаг, пытаясь скрыть своё возмущение. Ева давно стала замечать, что Марта проявляет больше эмоций, чем предписывал медицинский Кодекс. Но еженедельные проверки не показывали никаких отклонений, и Ева на какое-то время переставала волноваться. Она боялась только одного, что руководство узнает об эмоциональной нестабильности патрульного и примет решение о ликвидации.

Всю оставшуюся дорогу девушки шли отдельно. Марта, погружённая в свои мысли, и Ева, перебирающая в голове ситуации, когда подруга не сдерживала эмоций.

Когда в семь тридцать прозвенел звонок, приглашающий к началу работы, Ева шла по длинному коридору, ведущему в отдел распределения. На обеих стенах идеально ровно висели портреты всех Консолидаторов начиная с Джеймса, заканчивая Тигом. Сильные, властные, уверенные в себе они смотрели на Еву со всем присущим им величием.

Удивительные люди. Разве можно не восхищаться тем, чего они добились? Благодаря их великим делам города выстояли во время болезни и во время появления первых подвальных и первых смертников в стенах города. Больше всего она хотела стать такой же сильной и мудрой. Храбро сражаться с трудностями, приносить пользу людям, стать кем-то значимым.

«Разве моё место там, за столом с бумагами?» – подумала Ева.

Она глубоко вздохнула, выпрямилась и отдала честь своим героям. В это время по коридору проходил Марк, начальник её отряда. Единственный в мире человек, которого Ева на дух не переносила. Он был невысокого роста, с залысиной на макушке, которую регулярно протирали от зловонного пота.

– Ря-я-ядово-о-й, почему ты ещё не на рабочем месте? – взревел он в привычной манере, обнажив кривые, потемневшие зубы.

Ева машинально зажмурилась, то ли от звука его высокого голоса, то ли от тухлого запаха у него изо рта.

– Я задал вопро-о-ос, – ещё громче закричал начальник и ткнул Еву в плечо.

– Я отдавала честь нашим великим Консолидаторам, – отчеканила она, ещё сильнее вытянув спину.

Марк одобрительно кивнул портретам и указал пальцем без одной фаланги в сторону рабочего зала. Ева рефлекторно задержала взгляд на этом недостатке. Говорили, что палец ему откусил смертник – человек, из-за стены.

Они временами пробираются в город, устраивают набеги, как древние люди. Иногда наносят сильный ущерб, но чаще их успевают отстреливать. Особенно в Шелтере смертников считали дикими животными, нацепившими на себя человеческую одежду.

Ева ускорила шаг, от волнения у неё вспотели ладони и засосало под ложечкой. Будто бы она встретилась не с начальником своего патруля, а с какой-то тёмной силой, желающей сожрать всю её без остатка.

Глава третья

Проскочив на место, Ева уткнулась в бумажки. Рутинная работа не доставляла удовольствия, а скорее выводила из себя. Поэтому время от времени, она тайком пряталась в комнате уборщика, пока его не было на месте, рассматривала надписи на средствах дезинфекции, чтобы хоть как-то отвлечься от эмоций, которые, как ей казалось, причиняли вред. Ева мечтала быть такой, как все остальные, чувствовать меньше. Ведь это позволило бы подчиняться правилам, не раздумывая о последствиях, не бояться Марка, а слепо его уважать и, наконец, это позволило бы ей перестать видеть сны и посещать доктора Р.

– Ты сегодня во сколько заканчиваешь? – к столу подошёл Кирилл.

Высокий, с узкими плечами, широкой улыбкой и выпирающим зубом на правой стороне. Он работал за соседним столом, занимался аналитикой по отряду. И не мог отказать себе в удовольствии смутить Еву. Когда он подходил, она вся скукоживалась, опускала глаза и замирала.

В этот раз всё повторилось. Парень положил руки на стол и повис над Евой. Она часто задышала. Щёки горели, в висках стучало, а желудок снова начал пульсировать. Ева опустила глаза, пытаясь сосредоточиться. В Шелтере против правил говорить с противоположным полом без лишней необходимости, дружить тоже запрещалось. Нянечки чуть ли не с самого рождения внушали детям, что привязанность к представителю противоположного пола увеличивает риск заболевания Брегисом.

Ева поморщилась, заёрзала на месте и тихо выдавила из себя что-то невнятное.

– Прости, я так и не расслышал, – Кирилл улыбнулся шире, а потом быстро собрал лицо в серьёзную гримасу.

Ему нравилось смущать Еву, но попасться на такой мелочи хотелось меньше всего. Четыре года назад он примкнул к НРО и делал всё возможное, чтобы система изменилась. За это время он научился быть осторожным и внимательным к деталям.

– Я? Мне надо ещё поработать. Я... тут... мне ещё чет-четыре документа за-за-полнить, – Ева вжала голову в плечи и нахмурила брови, она словно ждала, когда надоедливый парень исчезнет.

Но этого не произошло. Он продолжал нависать над ней.

– Кирилл, ты смущаешь нашу Еву, – голос Марты, как спасательный круг, разбил неловкую паузу. Подруга стремительно подошла к столу и встала напротив парня. Конечно, она знала, кем он был. От этого ей самой становилось только веселее и интереснее играть в «Смути Еву».

Пять лет назад Марта твёрдо решила признаться Кириллу. Она присматривалась к нему больше года и надеялась, что не ошиблась. Он подходил на все сто процентов: был упрямым, честным и на всё имел своё мнение. К единственному минусу Марта относилась его слепую веру в законы и правила. Сама она их презирала. Жить по правилам, значило не жить вовсе. А жизнь она любила во всех красках. Даже то, что приходилось каждый день врать и изворачиваться ради того, чтобы остаться целой и невредимой.

В пятнадцать ещё не позволяется самостоятельно патрулировать улицы, но вот оставаться на тренировку до 21:30 уже можно. Марта давно заметила, что для Кирилл занимался спортом не только для поддержания формы, он получал удовольствие от нагрузок, поэтому часто оставался допоздна. Тот день не стал исключением.

В пустом зале пахло потом и жаром раскалённого воздуха. Кирилл заканчивал упражнение, когда Марта подошла к нему. Он сделал вид, что не заметил, хотя внутри всё сжалось на мгновение, перевернулось и встало на свои законные места.

– У тебя отлично получается. Жаль, что я никогда не добьюсь таких успехов.

– Думаю, если будешь прикладывать больше усилий – всё получится. Только, – он прочистил горло, – только не смотри по сторонам, когда что-то делаешь.

– Почему? Разве это плохо интересоваться тем, что происходит вокруг?

– Любопытство – отличная черта для патрульного. Но...

– Но?

– Тебя могут не так понять, – Кир опустил взгляд.

– А ты меня так понимаешь?

Кирилл вздрогнул и пристально посмотрел Марте в глаза. Он тяжело задышал, губы его в одно мгновение пересохли и стали напоминать съёжившуюся листву в парке. Он нервно заморгал.

– Это странный вопрос. Опасный.

– Я не боюсь опасностей. Ты мне нравишься, – вдруг прошептала Марта. Она не ожидала от себя такой смелости и резкости, поэтому шагнула назад и замерла.

– Мне нужно. Я должен уйти.

Кирилл не приходил в зал несколько недель, но и Марту не выдал, которая посчитала это хорошим знаком. Больше к парню она не подходила. Выждала, когда он сам сделает следующий шаг. Кир решился только через месяц.

– Это проверка?

– Любовь.

– Я бы хотела продолжить работу, – Ева с трудом подняла глаза на Кирилла и кивнула подруге.

Довольные своей победой они отступили, оставив Еву за рабочим столом. Она несколько раз прикоснулась к планшету на столе, но он продолжал молчать. Ева нажала сильнее и только потом вспомнила, что он сломался прошлым вечером, а сотрудники отдела Технических неисправностей, не поставили его ремонт в очередь наутро. Ева нажала кнопку на наушнике.

– Общий канал связи Патрулата, отдел перераспределения звонков, продуктивного дня, Ева номер М1/1. Чем могу помочь?

– Свяжите меня с техниками.

– Минуту, – заиграла писклявая классическая музыка и через несколько секунд девушка снова ответила, – соединяю.

– Патрулат, девятый отряд, стол сто четырнадцать. Мой компьютер по-прежнему не работает. Я ещё вчера подала заявку.

– Назовите номер.

– Семь, четыре, ноль, один, ноль, девять, пять, – раздражённо выдохнула Ева.

– Приносим свои извинения. Заявка затерялась. Мы сейчас же вышлем к вам техника.

– Спасибо.

Ева отключила звонок и рухнула на стол. Отсутствие планшета означало хождение от одного стола к другому, чтобы собрать документы. Ева каждый раз думала о том, что с лёгкостью можно было пересылать всё необходимое на запасной планшет, а не печатать на этом пережитке прошлого, на бумаге.

В течение получаса Ева неторопливо обходила столы, ждала подготовки документа, ждала его печати и двигалась к следующему. Вернувшись на своё место, она собрала всё в одну стопку и вздохнула. Ева считала себя одним из лучших патрульных: она умело обращалась с оружием, отлично патрулировала улицы, однажды задержала мелкого предателя, пытавшегося прорваться к району рабочих. А работа на одном месте с документами убивала её, делала слабее. Ева подписала один документ, за ним другой и отодвинула стопку в сторону.

– Рядовой Ева М1/1, пройдите в медицинский отдел, в кабинет психолога, – объявил голос из колонки.

Зажмурившись и сглотнув большой ком, Ева встала из-за стола, поправила куртку и волосы и как можно быстрее пошла на смущающий разговор с Р.

В кабинете пахло лекарствами и свежими огурцами, которые, как показалось Еве, доктор Р. только что добавила в какой-то бутерброд. Девушка сглотнула слюну и, поджав пухлые губы, села в кресло. Ей всё время хотелось куда-то спрятаться, сделаться маленькой, чтобы острый взгляд доктора Р. не смог её достать.

– Ева, я рада тебя видеть.

Очередная стандартная фраза. Ева всё никак не могла понять – зачем говорить кому-то что ты рад, если это не так. Р. села в кресло, поправила идеально уложенные волосы и слегка прищурилась. Она всегда щурилась, когда хотела узнать что-то особенно личное, хотя Кодекс личного не предполагал.

– Я тоже рада, – вздохнула Ева и вжала голову в плечи.

– Снова сон? – Р. наклонилась вперёд и провела жилистой рукой по подбородку.

Ева не знала возраста доктора, но внутреннее чутьё подсказывало, что ей больше сорока. Она уже пятнадцать лет занималась снами Евы и контролировал почти каждый её шаг.

– Да.

– Ты была тем же человеком? – она в очередной раз прикоснулась к лицу, нащупывая крупную родинку у самого носа.

Этот её привычный жест начинал раздражать.

– Нет, кажется. Я не знаю имени, помню, что там был человек, к которому я по какой-то причине эмоционально привязана.

– Расскажи подробнее, – настаивала Р.

– В комнате было тихо. Я сидела на краю кровати и рассматривала три красных яблока на маленьком стеклянном столике. Одно было надкушено. Оно лежало ближе ко мне и приятный немного сладкий аромат просачивался под кожу. В комнату вошёл ещё кто-то. Он наклонился и поцеловал меня в затылок.

– Хочешь, я что-нибудь приготовлю? Ты ведь снова ничего не ела весь день? – его голос был знакомым, я не могу вспомнить, где его слышала.

– У нас страшная запарка на работе.

– У вас всегда так, но это не значит, что ты не должна есть, – он казался настойчивым и упрямым, – Симка опять читал тебе лекцию о вреде мяса?

– Мяса? – удивилась я.

– Ну конечно, я же оставил тебе контейнер с обедом в холодильнике.

– Он открыл его, и комната наполнилась тусклым светом.

– Так и знал. Работа убьёт тебя.

– После он сказал, что любит меня и беспокоится, – добавила Ева.

На самом деле он сказал ещё больше, но по какой-то причине Ева захотела утаить информацию. Словно она принадлежала только ей одной. Он сказал, что никогда её не оставит и никогда не позволит никому обидеть его маленького воробушка. А Ева больше всего на свете, кроме конечно высокого государственного поста, хотела, чтобы никто и никогда не смог её обидеть.

– Что ты ещё помнишь?

– Вообще, мало чего. Я только слышала голоса, шум ветра, я ощущала его кожей, а ещё чувствовала прикосновения. Знаете, мне показалось, что это не сон, что та девушка – это я. Только другая. Она знала больше, была мудрее и интереснее, смелее, а ещё у нее были эмоции. Не такие, как у меня, другой набор.

– Да, – протянула Р., – раньше ты не чувствовала во сне. Думаешь, та девушка как-то связана с той, что ты видела раньше?

– Не думаю, но возможно. Просто они были непохожими, словно их собрали из разных деталей одного конструктора.

– Ева, когда именно ты начала чувствовать во сне?

– Не уверена с ответом.

– Подумай, это слишком важно, чтобы просто забыть.

– Кажется, – пару ночей назад.

– Ты сразу должна была зайти ко мне, – рассердилась Р.

– Больше не повторится, – Ева покраснелась.

– Значит, после увеличения дозы... – шепнула Р.

Доктор что-то записала в своём толстом ежедневнике, молча встала и подошла к окну. Ева обернулась, большие настенные часы показывают 09:05, почти через шестьдесят минут она должна быть на занятиях по стрельбе.

– Меня всё больше беспокоит твоё состояние. Я ещё не сдавала отчёт. Но думаю, пора принимать лекарства класса Б, – Р., наконец, повернулась и, взяв с полки папку с номером М1/1, вернулась в кресло.

– Для чего, – услышав про лекарства, Ева даже вытянулась и приподнялась на месте. За всю жизнь она не встречала ни одного патрульного, принимавшего лекарства класса Б. Если тебе не помогает энзомон, значит, ты не годен.

– О, не волнуйся, это не скажется на твоей работе, – словно прочитала мысли Р., – это курс таблеток, который поможет улучшить качество сна. Всего несколько недель, и ты придёшь в норму. Есть только одно условие. Ежедневно тебе придётся посещать отделение Медицины-риума в Патрулате, получать лекарство и выпивать его в присутствии медика. Всё просто, – улыбнулась она.

– Да, но разве это способно помочь? – Ева всё никак не могла успокоиться и суетливо подёргивалась в кресле, перебирая пальцами край куртки.

– Конечно, – удивилась Р. и наклонилась в сторону девушки ещё больше, – или ты не доверяешь Кодексу?

От неё пахло мятой и чем-то резким, с кислинкой. Ева покорно склонила голову.

– Во-первых, твоё психологическое состояние улучшится, во-вторых, ты перестанешь беспокоиться о мелочах, начнёшь высыпаться и бонусом улучшишь физические показатели. Лечение пойдёт тебе на пользу.

Тихий голос доктора Р. проникал глубоко внутрь Евы. Ей становилось спокойнее, появилось ощущение уверенности в том, что лекарства помогут и сделают жизнь проще, сделают её похожей на сотни других. Ева улыбнулась и откинулась на спинку кресла. Доктор снова подошла к окну, кивнула кому-то и вернулась на место.

– Ну, что ж, думаю, наш сеанс завершён. Тебе есть о чём ещё мне рассказать?

– Пожалуй, нет, – Ева опустила глаза, почувствовав неловкость.

Утренний разговор с Мартой не выходил из головы.

– Уверена?

– Да.

– Тогда, до встречи. Документы на получение лекарств возьмишь на выходе, всё готово.

– Уже?

Медицинская сестра равнодушно сунула Еве документы и попросила подписать второй экземпляр. Бросив взгляд на часы, Ева вздрогнула, до занятий осталось полчаса, а это означало, что она опоздает и наверняка получит наказание. Она что есть сил побежала по длинным и извилистым коридорам Патрулата.

Белые стены и огромные окна без перегородок мелькали перед глазами. В висках пульсировало, дыхание сбивалось, и сердце колотилось что есть мочи.

Глава четвёртая

Вбежав в аудиторию за пару секунд до звонка, Ева протиснулась на задний ряд, рядом с каким-то хмурым парнем. Он нервно листал небольшую синюю книжечку, водил пальцами по её исписанным страницам, закрывал и крепко сжимал.

Ева покосилась в его сторону и заметила, что книжечка совсем старая, напоминающая те, что существовали задолго до её рождения. Она всего один раз видела такие экземпляры. В старой библиотеке, которая практически затерялась в промышленном районе.

Рабочие редко читали. Им было не до чужих мыслей в книгах. Некоторые, как заметила Ева, и вовсе не умели читать. Что, по её мнению, было удивительно, ведь каждый гражданин города ходил в учебные заведения. Все они сдавали единый экзамен, но по какой-то причине, одни создавали прогресс своими умами, другие – руками. Первые тратили часы на дальнейшее обучение, вторые же не понимали ни книг, ни прогресса. Они утверждали, что чтение не приносит никакой пользы, только отнимает время. Жизнь и так слишком коротка. Нечего забивать голову чужими мыслями. А их осталось не так много. Библиотека работала только с новыми изданиями, по несколько раз переписанными современными учёными. Найти что-то действительно стоящее не представлялось возможным. В Историческом Отделе хранилось несколько экземпляров первоисточников, но доступ к ним закрыт даже для самих сотрудников. Так что в основном читали Кодекс и учебники по истории.

Парень покосился на Еву, и она поспешила отвести взгляд. На сцене загорелся свет в центр вышел Мариус – четвёртый генерал объединённой армии. Высокий, с аккуратно подстриженными седыми волосами, пухлыми губами и небольшими, но выразительными зелёными глазами. Левую его щёку делил на несколько частей длинный выпуклый шрам. Он прерывался у глаза и рассекал бровь. Он передвигался по сцене спокойно и плавно, внимательно всматриваясь в каждые глаза, которые попадались. Ева боялась смотреть в его сторону и опустила голову. Руки её дрожали, а дыхание участилось.

– Я думаю, все понимают важность сегодняшнего собрания. Мы уже много десятилетий ведем борьбу с теми, кто когда-то разрушил мир. С каждым годом они становятся всё проворнее. Проникают в города, пытаются разрушить вашу жизнь. Они жестоки, не способны к диалогу. Ими движет древний инстинкт – убивать ради убийства.

Зал оживился и зашептался.

Наш Великий Консолидат и Патрулат путём долгого расследования выяснили, где прячутся предатели. Теперь мы идём на шаг впереди! В скором времени противостояние лучших из людей и предателей будет окончено.

Словно единый организм, зал взревел. Несколько человек сорвались с мест и начали аплодировать.

Я чувствую, что в этих собраниях присутствует дух единства. Мы словно один великий и могучий человек. Мыслим одинаково, верим в одно и то же. Вот офицеры седьмого и четвёртого отрядов. Высокие, сильные. Они машина для уничтожения врагов государства, за ними второй и третий, двенадцатый и «бумажные люди» из десятого.

Ева встала неохотно, хотя и чувствовала восторг от одной только мысли, что скоро в городах настанет мир. Она жаждала его, как любой гражданин Шелтера. За рёвом зала никто не заметил шороха на потолке. Только незнакомец слева отвлёкся от своей книжечки и толкнул Еву в бок.

– Уходи, – шепнул он и сунул ей в руки свою драгоценность.

– Куда? Собрание ещё не закончилось, – она удивилась и даже немного возмутилась таким поведением, но инстинктивно засунула книжечку за пояс и прикрыла футболкой.

– Уходи, сейчас рухнет, – ещё раз шикнул парень и, расталкивая всех, полез в самый центр толпы.

В этот момент Ева услышала скрежет и подняла глаза. Огромная старинная люстра, с вензелями и хрусталём, увешанная серёжками и бусами, раскачивалась то вправо, то влево. Ева на какое-то мгновение вспомнила первый год в Патрулате. Эта люстра удивила её и напугала. Огромный паук, тянущий свои тонкие хрупкие лапки вниз. Люстра всё качалась и мрачно позвякивала «бряц-брацца-дзынь-бряцца». «Посмотрите, на меня. Я здесь. Почему никто не замечает, какая я красивая? Бряцца-дзынь-брацца. Поднимите глаза. Эй, ты человек, единый организм с сотней лиц, посмотри на меня. Посмотри и вспомни о былом величии. Вспомни о красоте уникальности. Я здесь одна, словно призрак, качаюсь в обрывках фраз», – кричала люстра. Но никто не обращал на неё внимание. Мариус продолжал вещать о мире и войне, а люстра уже готовилась рухнуть прямо на него.

– Она сейчас упадёт, – закричала Ева, но никто даже не повернулся на её истошный вопль. Недолго думая, она рванула вперёд, расталкивая ликующих, – генерал, – снова крикнула Ева и всем весом навалилась на Мариуса.

От него не пахло ни чем-то приятным, ни потом, ни едой, словно его и вовсе не существовало. Он на мгновение впился в Еву своими пустыми глазами и свёл брови.

В этот момент люстра, мотаясь на одном только толстом канате, со свистом пронеслась над их головами, задев лишь плечо Евы и рухнула в центр уже визжащей толпы. Мариус оттолкнул от себя Еву, и она врезалась в трибуну, стоявшую рядом. Этот удар оказался сильнее, чем тот, что она получила от люстры.

Генерал вскочил на ноги и оглядел зал. Смахнул пыль с лица, пригладил волосы и, прихрамывая, направился к выходу, расталкивая патрульных, которые кинулись ему на помощь. Казалось, что всё произошедшее не волновало его. И те мёртвые тела под люстрой и девушка, которая его спасла. Он, глядя только вперёд, вышагивал к выходу.

Ева нахмурилась и прижала рукой плечо. Ноющая боль прокатилась по всему телу и застряла где-то с левой стороны. Ева поняла не сразу, что, кроме глубокой раны на плече, сломала ребро, когда падала на генерала. В зале кричали, пытались вытащить выживших из-под люстры, мёртвым грузом лежавшей в самом центре. Она убила пятерых, ранила ещё шесть, четверых насмерть затоптала толпа, испуганное стадо, как подумала Ева и снова вспомнила фильм на уроке биологии. Когда хищник нападает, обезумевшее стадо несётся куда глаза глядят. Не видит никого. Каждый сам за себя. Люди ничем не лучше стада бизонов. Нападать толпой, спастись поодиночке.

Ева на мгновение прикрыла глаза. Пыль мешала моргать без боли. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что заставляла сердце биться чаще.

– Тебе помочь?

Незнакомый голос вернул в реальность, но сил посмотреть в его сторону не хватило. Голова закружилась, появилась тошнота, тяжёлый ком подкатил к горлу. Ева прикрыла рот рукой, плотно сжав зубы.

– Значит, помочь, – повторил мужской голос, и Ева провалилась в темноту.

Всего через двадцать минут она открыла глаза на кушетке в медицинском отделении Патрулата.

– Пришли в себя? – улыбнулась Севил, молоденький сотрудник в белом халате. Всего четыре месяца назад её прикрепили к Парулату, но это не помешало в короткие сроки заслужить доверие начальства и быстро продвигаться по карьерной лестнице. Ходили слухи, что она с лёгкостью вычисляет предателей, а за прошлый месяц написала четыре доноса, два из которых подтвердились, патрульные признались в предательстве, и их казнили.

– Да, всё в порядке?

– Конечно, – Севил снова неестественно растянула губы, обнажив до тошноты белые зубы, – я приняла все необходимые меры. Через минуту можно идти на занятия по стрельбе.

– Но я не думаю, что смогу удержать оружие, – Ева нахмурилась.

– О, здесь я тоже всё уладила. Сделала вам укол сильного обезболивающего. Занятия пропускать нельзя. Так ведь? – Севил кивнула.

– Вы правы. Нельзя.

Ева аккуратно, еле заметно, положила руку на футболку, чуть ниже пояса, где была спрятана книжечка. На месте. Она с облегчением выдохнула.

– Сейчас я дозаполню вашу карту, М 1/1. И отпущу, – она задержала взгляд, – стойте. Вам назначен седативный препарат. Почему не сказали?

– Не было времени, – Ева покачала головой и, сунув руку в задний карман джинс, достала документы, сложенные в четыре раза.

– Вы в курсе, что это не салфетка, – Севил недовольно развернула лист и проверила наличие печатей.

– Не было времени привести в порядок. Моя вина. Надеюсь, это не станет проблемой.

– Конечно, станет. К счастью, не для меня. С такой чертой в характере вы вряд ли скоро продвинетесь по службе, – Севил скривила рот в улыбке, подписала документ и достала из стеклянного шкафа небольшую баночку с таблетками, – пейте, протянула она одну из них Еве.

– Без воды?

– Вы справитесь. Так, а теперь подпишите здесь. Это подтверждение, что я выдала вам лекарство. Теперь прошу покинуть кабинет и отправиться на занятия.

У кабинета уже стояла длинная очередь из пострадавших. Рядом у стены складывали чёрные пакеты с телами. Ева не могла понять, почему их сразу не отправили на кремацию. Четыре, пять, семь, девять. Девять погибших ожидали последнего осмотра. Патрульные в толпе показались Еве такими же мертвецами. Они не разговаривали и, казалось, не думали, молча стояли вдоль другой стены и смотрели в пустоту. Им больно или страшно? Ева не могла разобраться. У каждого, кто служил при Патрулате, была одна общая черта – никто не боялся умереть от рук предателей. Но иногда Еве казалось, что никакая другая смерть их тоже не страшила.

– Ева, с тобой всё в порядке, – с влажными глазами спросила Марта, практически налевтевшая на подругу. Она встала максимально близко, так, чтобы можно было услышать шёпот, – я волновалась.

Марта осмотрелась: патрульные продолжали прилежно выполнять свою работу. Они стучали по экранам планшетов, набирая слова, подписывали документы и передавали их друг другу, приветливо улыбались и уступали дорогу старшим чинам.

– Кажется, да. Я, если честно, сомневаюсь, – сама формулировка была непривычна для Евы. Она всегда говорила то, что требуется, а честность была одним из главных компонентов.

– Почему тебя отпустили? – Марта теребила край куртки и часто моргала.

Но Ева не обращала внимания на все признаки эмоциональной нестабильности. Сейчас её заботило только одно – синяя книжечка, прижатая к самому телу. Она кивнула подруге и поспешила в своё потаённое место, в кладовую. Там будет минут 5, но этого должно хватить, чтобы понять, что грозит за сокрытие такой важной улики от начальства.

Тёмные стены, идеальные чистые полки и тишина, ровно до тех пор, пока сотрудник службы уборки идёт из одного конца коридора в другой. Ева дрожащими, слегка вспотевшими, руками достала своё тайное сокровище. Только сейчас она рассмотрела все потёртости, мятые уголки листов и торчащий край фотографии. Ежедневник – вот что это было. Поверх выцветших букв были сделаны записи чёрным, слегка размазавшимся, карандашом.

«Принадлежит офицеру третьего ранга, патрульному С»

Ева сглотнула подкативший ком, растёрла лицо свободной рукой и, задержав дыхание, перевернула страницу. От неё исходил яркий аромат сигарет. Ева узнала запах, в прошлом она

встречалась с подвальным, насквозь пропитанным этой горечью. У него был низкий хриплый голос и широкая улыбка. Когда Ева проходила мимо, но схватил её за рукав и, обнажив желтоватые зубы, попросил закурить. Тогда она впервые действительно поверила в слова Консолидатора. Предатели теряли облик цивилизованного человека. Грязные, с кучей заболеваний и пагубных пристрастий.

Я не в силах сидеть сложа руки. Город умирает. Вечный Консолидатор и его молчаливая спутница Шелта убивают его. Нас травят, как крыс. Нам не дают права выбора. Вчера убили мою жену. Она была хорошей женщиной. Работала в столовой. И ей приходилось воровать, чтобы нам хватало еды. Ах, эти пайки, только идиоту будет их достаточно. Мы слабые. Мы гниём...

Ева захлопнула книжечку. Вжалась в стену, насколько это было возможно, и сделала глубокий вдох. Выдохнуть оказалось сложнее. Воздух прерывисто выходил из лёгких и оседал на воротнике, край которого Ева закусила. Шорох за стеной силой втолкнул её в реальность.

Уборщик.

Слишком долго Ева торчала в его камере. Она поспешно затолкала книжечку за пояс, натянула сверху футболку и схватила первый попавшийся предмет с полки. Как только дверь открылась, Ева сделала шаг вперёд.

– Вечно эти салфетки заканчиваются в ненужный момент, – отчеканила она.

– Тьфу ты. Чтoб тебя. Ох, простите, вас, офицер, – волоча за собой тележку с ведром и мусорным пакетом, в кладовую вошёл уборщик. Ева не знала его имени, да она никогда им не интересовалась. Он казался ей невидимкой, несчастным человеком, чьей участью был сбор мусора и мытьё полов. Он не отличался какими-то способностями, поэтому уборка была делом всей его жизни. Делом, которое он любил и уважал.

– Я только возьму салфетки и уйду, – Ева вытянулась, приподняв подбородок.

– Да делайте что хотите, – прокряхтел уборщик, – ходят сюда, хватают, что их не просят. А ты потом ищи думай, что они, куда они. Этот утром пришёл, ведро мне перевернул, ты притащилась. А мне ещё в зале кровь с пола оттирать. Можно подумать, дел у меня мало, – он всё время поправлял новую, судя по всему, только сегодня выданную кепку.

Форма рабочим выдавалась раз в шесть месяцев, значит, сегодня прошло ровно полгода с тех пор, как Ева пряталась в своей тайной комнате в прошлый раз.

– Кто заходил утром?

– Не помню я, давай отсюда, – он толкнул Еву шваброй в бок.

– Да, конечно.

Уборщики не отличались вежливостью и большим умом. Все они имели невысокий уровень интеллекта и слабую физическую подготовку. Три раза в неделю к Еве приходила женщина, чтобы навести порядок в доме. Она всё время сопела, чем страшно раздражала, когда Ева попыталась попросить её не издавать лишних звуков, потому что та мешает заниматься, женщина бросила в неё мокрую тряпку и выдохнула так громко, что из носа вылетела капля мутной жидкости. Ева решила, что женщина слишком эмоциональна и заявила на неё. Уже на следующий день уборщицу заменили на милую особу двадцати двух лет. Она молчала, а когда Ева решила с ней заговорить, то испугалась и попросила больше этого не делать, потому что не хочет неприятностей. С тех пор уборка проходила в полной тишине.

Ева выскочила из кладовой, прижимая всё ещё дрожащую руку к книжечке, и повернулась в сторону длинной очереди в медицинский отдел. Ей показалось, что она стала ещё длиннее. Тела в чёрных пакетах уже убрали, у стен теперь просторнее и нет этого странного ощущения, которое давило Еве на грудь.

Она проскользнула к своему рабочему месту и первым делом спрятала книжечку на дно рюкзака, стоявшего в дальнем углу под столом.

– Что прячешь?

Кирилл облокотился на стол и навис над испуганной Евой. Она замерла и задержала дыхание внимательно изучая его потное пыльное лицо и растрёпанные волосы. Около часа он с другими парнями приводил в порядок зал: расставлял стулья по местам, убирал мусор, от упавшей люстры, и складывал тела по пакетам. Он прищурил глаза. Пытался понять на чьей стороне Ева. Вела она себя подозрительно. Сильно нервничала, но кто бы на её месте сохранил полное спокойствие после покушения. Конечно, Кир был готов умереть вместе с другими, лишь бы стереть генерала с лица Земли. Но о том, что случится никто даже не догадывался. Кир закусил нижнюю губу, аккуратно, в свойственной себе манере, растёр лицо обеими руками и ещё сильнее склонился над Евой. От него пахло потом, не сильно, но Ева машинально прикрыла ладонью нос и рот.

– Я ничего, нет, просто мне было нужно, – она заикалась и не могла собрать мысли в кучу.

Кир еле-еле улыбнулся лишь одним уголком губ. Он намеренно сделал лицо строже. Ева изо всех сил пыталась выглядеть спокойной. Но Кир будучи опытным ополченцем раскусил её уже в первую секунду. Ему нравилась непосредственность и эмоциональность Евы. Она не была похожа ни на одну знакомую ему девушку. Даже Марта, которую он любил всем сердцем, не восхищала его так.

– Ты непохожа ни на одного из нас, Ева. Всё нормально, можешь прятать свою вещь. Для меня это не имеет никакого значения. Не волнуйся, я никому не скажу, что твоё поведение мне показалось странным.

В одно мгновение вокруг Евы образовался вакуум. Глаза защипали, и она чуть было не расплакалась на виду у всех.

Неужели он понял, что у меня есть запретный предмет? Что делать... Сказать правду? Нет, ни в коем случае, тогда он, наверняка донесёт на меня. Я не готова. Я не могу перейти на сторону врага.

Кир улыбнулся и подмигнул. Он был подавлен, но не собирался причинять напуганной девушке больше эмоционального вреда, чем она могла причинить себе сама.

Ева не понимала многих вербальных и невербальных знаков, которые ей порой посылали окружающие. Для неё единственно верным поведением было сухое деловое общение, на темы, касающиеся работы. Только с Мартой она могла поговорить о чём-то другом, например, о казнях или супе, который давали на обед в столовой Патрулата.

Занятия по стрельбе перенесли на вечер. Ева вошла в большой зал, поделённый на кабинки для отработки навыков. Вокруг витал еле заметный дымок. Пахло порохом. Ева удивлённо посмотрела по сторонам. Кто-то стрелял из старинного оружия, с настоящими пулями. В одиннадцатой кабинке стоял полковник, чьего имени Ева не знала. Он ловко управлялся с пистолетом, выстреливал целую обойму и заряжал новую. Дежурный выдал Еве наушники и попросил подписать документ. Она всё сделала и снова вернула взгляд на полковника, он это заметил и подошёл.

– Рядовой, как ваше имя?

Ева улыбнулась. Он невысокий, но статный, с узкими плечами и залысинами.

– Ева М1/1.

– А, слышал о вас. Говорят, вы хороши в стрельбе?

– Лучшая в классе, – Еве было приятно поделиться своими успехами.

– Надевайте наушники, Ева. Пойдёмте со мной, дам пострелять из настоящего оружия.

Ева даже задрожала от восторга. Она и не мечтала, что когда-нибудь ей удастся взять в руки оружие класса D. Полковник протянул пистолет, и Ева схватилась за него обеими руками. Она ощутила каждую его выпуклость, каждую деталь.

– Как стрелять? – обратилась она к полковнику, – я только читала. Никогда ещё не стреляла.

– Всё просто, – полковник подошёл сзади, подставил свою руку под руку Евы, – всё, как с лазером, – шептал он ей в волосы, – целься и нажимай на курок.

Ева почувствовала неловкость, дёрнулась и, выстрелив, промазала. Пуля попала в стену рядом с мишенью. Полковник издал смешок и отошёл в сторону.

– Думаю, это моя вина, – он почесал голову, – теперь давай сама.

Внимательно посмотрев на мишень через прицел, Ева снова нажала на курок и попала в самый центр. Полковник зааплодировал.

– Действительно, хороша, – кто ваш командир Ева?

– Марк, я из девятого отряда.

– А, знаю, не самый успешный, уже много лет сидит в младшем офицерском чине. А знаете почему? – он заговорщицки наклонился в сторону Евы, – он никогда не умел стрелять. Мы с ним из одной серии Ш24/11, но посмотрите где я, а где он. А в вас, Ева, вижу перспективу, – сказал он и зашагал из класса.

Еву переполнял восторг. На какое-то время у неё вылетело из головы то, что случилось. Она спокойно отрабатывала стрельбу, но потом, дежурный случайно уронил фляжку с водой, которая стояла у него на столе. Звон эхом прокатился по классу. Ева вздрогнула и обернулась в сторону звука. Отреагировала только она. Остальные патрульные продолжали отрабатывать стрельбу. Никто не посмотрел на дежурного, никому даже в голову это не пришло. Ева почувствовала, как проходит эффект от анестезии. Плечо рассылает болевые сигналы по всему телу, болят даже кончики пальцев на руках. Ева прижала плечо свободной рукой и на мгновение зажмурилась.

– Всё в норме?

Дежурный бесшумно подошёл к Еве и коснулся её плеча. Она снова вздрогнула.

– Меня ранило, там, – она замялась, – в зале.

– О да, я слышал. Хорошо, что предатель убит.

– Его поймали? – удивилась Ева и потупила взгляд. Она не была готова к тому, что очередной парень решит с ней поговорить.

– Говорят, люстрой придавило, так и не добрался до генерала. Слышал его кто-то из наших спас.

– Да, это была я, – она мельком посмотрела на дежурного, нормативы сданы?

– Не может быть, – протянул он, – вы мой герой, рядовой. Я тоже хотел бы быть таким смелым, как вы. А нормативы сданы, как всегда. Вы лучшая.

– Спасибо. Я тогда свободна?

– Конечно. Плодотворного вечера!

– И вам.

Ева пулей вылетела из класса. Она спешила попасть домой до темноты. Спустившись по высоким ступеням Патрулата, Ева остановилась осмотреться. Город оживал. Люди возвращались с работы. Одинаковые, с пустыми безжизненными лицами они спешили в свои одинаковые дома. Каждый сам по себе. Ева подумала, чтобы они делали, если бы Брегис действительно вернулся. Стали бы спасать свои жизни или, повинаясь Кодексу, объединились бы в один живой механизм? С каждым днём Ева понимала их всё меньше.

Воздух постепенно наполнялся сладким ароматом вечерних цветов. Ева вдохнула полной грудью и пошла домой. Без Марты она не ходила по набережной, а срезала напрямик, через площадь Народного дворца, мерцающего своими яркими огнями. Он словно подмигивал прохожим, привлекая внимание к своему великолепию. Здесь практически в любое время суток былолюдно. Каждый считал долгом прийти к главному входу рано утром, чтобы поприветствовать Шелту, которая никогда не показывалась.

Ева остановилась в центре площади и осмотрелась. Её внимание привлёк человек лет тридцати семи. Он сидела на ступенях почти у самых дверей и не моргая смотрел на пустые окна. Его выглаженная чистая синяя рубашка светилась в темноте. Он надел всё самое лучшее, самое чистое. Ева подошла ближе. Мужчина заметил, что на него смотрят и неподдельно улыбнулся.

– Присаживайтесь рядом, он похлопал по ступеням. Я бы хотел поговорить с кем-то в последний раз. Знаете, я ведь нечасто с кем-то говорю. Мне так-то с железками приходилось работать с двенадцати лет. Я механик. Хороший. Рукастый, как у нас говорят. Они много чего говорят. Они, наши начальники, только я не всё понимаю. Говорят, умом не вышел. Руки золотые, а умом недотянул. Вы не стойте, садитесь. Уважьте напоследок.

– Напоследок?

– Мне остался день, – он вздохнул и снова посмотрел в окна, – думаете она там? Видит она меня. Я бы хотел, чтоб видела. Чтоб стояла там и говорила, мол, вон тому почтенному мужчине добавить пять лет.

– Пять?

– Ну да, мне пяти хватит. Я до начальника хочу дослужиться. Они у нас яблоки живые получают. А я страсть как яблоко хочу попробовать. Да видно, не судьба. У нас же, если должности нет, то и привилегий нет. Живи как хочешь.

– Думаете это так? – Ева боялась задавать лишние вопросы, сидя под дверью Народного дворца. Она не разделяла политики продуктовых карточек и корзин. Оттого и мечтала стать Консолидатором. Отменила бы тесты на уровень интеллекта, какая разница 90 у тебя или 120, если ты всё равно ограничен временем.

– Думаю. Я думаю. Я, знаете, очень много думаю. Не всегда по делу. Вот вчера у меня машина сломалась на заводе. И я думал. И придумал, знаете. Починил. Получаса не прошло, как починил. Вот мне бы ещё пять лет. Вы идите, вам тут лучше не сидеть. Знаете, а то срок могут сократить. Скоро комендантский час. Это мне всё равно. Мне уже не страшно. А вы идите, – он толкнул её и попал в сломанное ребро. Боль резкой волной растеклась по всему животу.

Ева осталась ещё на несколько минут и успела узнать, что у мужчины есть супруга, которая работает на том же заводе. Она хорошая и простая женщина. Правда, с изъязном, ругается так грубо, что уже четыре раза ей делали замечания и обещали снять жизненные часы. На время она умолкала. После смерти супруга ей вряд ли дадут другую пару. Оставшиеся годы, она проведёт в одиночестве. В доме на окраине рабочего района. Там, куда власть Шелты доходит куда быстрее, чем в сам Народный дворец.

Ева на несколько минут остановилась, думая о том, кто этот человек. Последнее время она всё чаще задавалась подобными вопросами, но ответов не находила. Часы, почти под самой крышей, пробили девять. Времени стоять и смотреть по сторонам уже не было. Комендантский час наступал ровно в десять, а до этого нужно было заскочить в химчистку и забрать постиранные и идеальные, как всё в этом городе, вещи и постельное бельё.

В комнате пахло мятой. Ева всегда выбирала этот аромат для постели. Он казался ей приятным и помогал хорошо спать. И сейчас комната, наполненная спокойствием и приятными воспоминаниями, не казалась такой душной, как последние полгода. Она открыла жалюзи и впустила мягкий лунный свет. Он проскользнул в комнату, словно вор и, желая быть незамеченным, слегка коснулся синей обложки.

Планы покушений – вот что это было. Ева аккуратно перелистывала страницу за страницей. Здесь было всё, что в считанные сроки приведёт к повышению – имена, будущие покушения и детали прошлых. Ева поёжилась и спрятала книжечку под подушку. Офицер С. нашёл всё-таки людей похожих на себя. Даже такой человек, как он, смог найти своё место в этом мире. Ева погасила свет, но окно закрывать не стала. На небе показался первый лупош. Снова

будет дождь. Пока город спит, он приведёт его в порядок. Кодекс диктовал крепкий сон, но Ева всё никак не могла закрыть глаза. Она рассматривала неподвижные тени домов и гаснувших один за одним фонарей.

Что будет дальше? Город оставался на месте, пока Ева стремительно неслась в неизвестность. Она вдруг почувствовала укол совести. Почти забытое чувство. Стыдиться не приходилось уже давно. Да и не за что, когда подчиняешься всем правилам Кодекса. Ева растёрла лицо обеими руками. Подчинялась ли она им сейчас?

Глава пятая

В небольшой комнате, на окраине города, у узкого окна, перебирая старые фотографии, сидел мужчина. Его волос уже коснулась седина, а лоб делили неглубокие морщины. Каждое утро он отодвигал тяжёлую кровать, когда-то привинченную к полу, вытаскивал из стены выпиленный прямоугольник, за которым скрывалась жизнь целого столетия, запечатлённая на девяти фотографиях.

Мужчина аккуратно раскладывал свою ценность на узком подоконнике, выходящим на стену завода по переработке мусора, и всматривался в лица и здания. Они казались ему такими близкими. Каждый загнутый уголок, царапина или дырочка ласково поглаживались.

Печатные фотографии полностью исчезли в конце XXI века. И то, что в его руки когда-то попала старая коробочка, в которой хранились бережно завернутые в шелковый красный платок фотографии, было несказанной удачей.

– Ты снова занимаешься разлагающим делом? – в комнате появилась невысокая полная женщина в серой робе.

Она отчитывала супруга, попутно вытирая пыль и раскладывая разбросанные вчера вещи. В рабочих районах не было служб по уборке.

Как только мужчина увидел её, то быстро собрал все фотографии и прикрыл ладонью, в надежде, что супруга не поймёт, чем он занимается.

– Не прячь, я знаю, что они там, – женщина подошла к столу и, тяжело вздохнув, села на стул, – ты тратишь время на глупости, лучше бы раньше ушёл на завод, ты же знаешь, что нам нужны дополнительные карточки, чтобы перебраться в другую зону, – она вздохнула и закатила глаза, заметив, что её никто не слушает.

– Нам не позволят покинуть зону, – мужчина встал и, застегнув свою серую робу до горла, убрал фотографии обратно в коробку.

– С чего ты это взял? Шелта издала закон, что граждане, набравшие достаточное количество карточек, могут поменять зону и профессию.

– Ещё никто и никогда не менял зону. Всё это обман, – пробубнил себе под нос мужчина и направился к выходу, – ты и сама это знаешь. Ты видела тех, кто живёт в первой или, скажем, четвёртой зоне? Они все идеальные. Высокий рост, рельефные тела, а черты лица! Ты видела какие у них черты лица? Нам с тобой дорога в другую зону закрыта. Мы уроды, – закончил он и вышел из комнаты.

Женщина, взволнованная этим коротким разговором и несогласная с мнением супруга, даже встала со своего места и несколько секунд всматривалась в спину, уходящего злодея. Именно так она называла супруга, когда он не слушал её или говорил то, что было запрещено.

– Ты мыслишь не как гражданин, – выкрикнула она и сжала руки в тугий замок, – ты рассуждаешь так, как подвальный, – прошипела она и тоже вышла из комнаты, а затем и из квартиры.

Больше они не видели друг друга. Женщина ушла на работу, где пожаловалась на супруга своему начальнику.

Мужчина на завод так и не попал. Всего через двадцать пять минут после ухода супруги в дверь постучали и протянули сиреневый контейнер, размером чуть больше спичечного коробка. Семь полупрозрачных капсул, в двух – успокоительное, в трёх – обезболивающее, в последних – стоп-активатор, именно он останавливает жизнь.

Он умер в тридцать пять. Шелта изменила дату его смерти, сократила срок на пять лет. Такое происходит тогда, когда после пересчёта населения выясняется, что численность превысила безопасное количество, тогда Шелта совершенно случайно выбирает того, кто умрёт. Все граждане готовы к тому, что в любой момент в дверь постучат и протянут контейнер.

Ровно в 12:00 дня Ева пошла в лекторий для того, чтобы прослушать, как ей показалось, очень скучную лекцию по истории XXI века. Единственное, что она знала – это был ужасный был период. Век войн, болезней и страха. Ева поёжилась от одной только мысли, что могла бы жить в то время.

Никогда. Мне хорошо здесь и сейчас. Мир и спокойствие – основа жизни городов.

Ева приходила в восторг от новых правил, которые сыпались на граждан как из рога изобилия.

Государство лучше знает, как жить. Здорово, когда за тебя всё решено, ты рождаешься, тебя учат и уже известно, кем будешь дальше, потому что государство уже сделало за тебя выбор исходя из твоих особенностей и умений. Ты выполняешь свою работу прекрасно, потому что ты для неё родился. Ещё не пугает смерть, когда ты знаешь точный срок, который отмерен. Ты готовишься к этому времени, завершаешь все дела, а потом просто уходишь, и твоё место занимает кто-то другой, кто-то лучше.

Девушка ковырялась пальцем в ладони, пока слушала лектора, который расхаживал из угла в угол в широкой аудитории. Он то и дело поправлял волосы и одёргивал пиджак, словно пытался выглядеть ещё лучше, ещё стройнее. Вообще, фанатичное отношение к себе, точнее, стремление к идеальному себе, ставилось чуть ли не выше законов. Было непозволительно набрать лишний вес или не привести в порядок волосы. Успешный гражданин должен всегда быть на высоте. Это, конечно, не касалось жителей рабочих районов. Они были другими: простые, в одинаковой форме, с однотипными мечтами о переезде в новые места и о новой лучшей жизни. Они не отличались яркой и привлекательной внешностью, но зато являлись тяговой силой городов. Их уважали и ценили. И выражалось это в пламенных речах Консолидатора, от которых рабочие таяли и забывали обо всех трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться каждый день. А раз в полгода в их продуктовые корзины добавляли пять фруктов. Этого хватало, чтобы заставить рабочих любить государство.

Тишина и пустота. Только шорох ручек о бумагу подавал знак о том, что в зале сидят люди. Патрульные усердно конспектировали каждое слово лектора, кивали и улыбались, потому что слышали то, о чём думали каждый день.

Ева скучала, даже несмотря на то, что также соглашалась со словами преподавателя. Ей надоело сидеть на одном месте, хотелось движения и свободы телу. Поэтому сразу после занятия она отправилась в роскошный парк, высаженный когда-то, уже никто и не вспомнить когда, в честь Патрулата. Каждое дерево в парке носило имя. Генеральские деревья, деревья медиков и инженеров – кого здесь только не было. Ева мечтала, что однажды посадит здесь своё.

Она проходила мимо идеально подстриженных кустов, когда её внимание привлекла женщина, угрюмо сидящая на скамейке. Она держала в руках какую-то коробочку и смотрела вдаль. Когда Ева подошла, женщина подняла на неё свои уставшие глаза и тихо сказала:

– Я Лиза.

– А я Ева, очень приятно.

Конечно, ей не было приятно на самом деле. Она не знала её и не могла понять, каким будет это знакомство. Но правила приличия обязывали говорить «мне очень приятно».

– И мне, – женщина сделала паузу, – мне тоже приятно. Вам не кажется, что мы говорим слишком много фраз только ради приличия? Вот, к примеру, если я не очень рада встрече, я всё равно должна указать на обратное.

Ева округлила глаза. Она была удивлена тем, что женщина заговорила на тему, о которой она столько раз думала, но боялась произнести вслух.

– Вы уверены, что хотите поговорить об этом, – Ева шептала, потому что такие разговоры могли привести лишь к сокращению срока жизни несчастной, потому что она была обязана сообщать о том, что гражданин перестал думать в верном направлении.

– Да, конечно, я уверена, – Лиза улыбнулась. Ева вспомнила, что именно так улыбается Марта, без натяжки, искренне, – через час я, знаете ли, должна вернуться домой, пришло моё время.

– Сегодня? – девушка выдохнула это слово, как какую-то болезнь гонят из тела. Она привыкла, что люди уходят по расписанию, но нечасто встречалась с теми, чей срок подошёл сегодня или подойдёт через несколько часов. А это была уже вторая встреча за сутки, словно кто-то специально посылал к ней этих людей.

– Я не готова уходить так рано. Всю жизнь я посвятила работе на заводе. Я, вот как, я пекарь, – она снова широко улыбнулась. – Я люблю то, что делаю. Это очень несправедливо, что кто-то решает, когда я должна умереть.

– Это правила, – Ева вторила неуверенно и тихо. Она хотела поддержать женщину, скрасить её последние часы, но в то же время боялась того, что сама может пострадать за свои идеи. – Если мы не будем им подчиняться, то вернёмся во времена Великой войны.

– Да, – женщина тяжело выдохнула и поправила растрепавшиеся пшеничного цвета волосы, – а ещё, из-за этих самых правил, я, знаете ли, никогда не была в парке. Всё как-то времени не хватало. А тут так хорошо. Вот, Ева, у меня был супруг. Его убило государство.

Ева вздрогнула и вжала шею. Слушать женщину дальше она боялась, ведь кто-то мог пройти мимо, кто-то мог услышать разговор и донести в Патрулат. Но любопытство взяло верх, Ева хотела узнать, что другие думают о мире, в котором она живёт. В парке по-прежнему было тихо. Мимо прошла супружеская пара из Консолидата. Мужчина пристально посмотрел Еве в глаза, слегка прищурившись, а потом резко отвернулся, что-то сказав супруге.

– Почему вы думаете, что его убило государство?

– Мне тридцать два, а ему было тридцать пять. Мне сказали, что Шелта сократила срок. Вот так, без предупреждения, государство убивает тех, кто много говорит. Ровно так, как я сейчас. Только мне нечего терять, у меня ничего нет и никогда не было. И вот что, милая Ева, я сама убила своего супруга. Вот за эту коробочку, вот, – она протянула её Еве дрожащими и потными от волнения руками, – он ничего не делал, просто смотрел на них. Каждое утро просто смотрел, – её голос сбивался и местами хрипел. Она смахнула слёзы со щёк и немного привстала. Ветер, доносивший запах цветущих роз и скошенной травы, словно успокаивая Лизу, растирал соль по её лицу, – не говори лишнего и не делай лишнего, тогда с тобой всё будет хорошо. Власть против нас. Теперь я это понимаю. У нас нет воли.

Она резко встала и, кивнув Еве, поспешила к выходу из парка. Ева словно окаменела. Она держала в трясущихся руках небольшую металлическую коробочку.

Что с ней сделать? Выбросить? А вдруг кто-то увидит? Но принести её в Патрулат было ещё более глупой затеей.

Ева осмотрелась. В парке было совершенно пусто, даже та парочка, которая недавно прошла мимо, растворилась в розовых кустах. Недалеко от скамейки росло дерево генерала Мариуса, в котором время и, вероятно, какая-то болезнь, проделали отверстие, как раз такое, в какое могло поместиться содержимое коробки. Ева вынула его, завернула в красный платок, доставшийся от Лизы, поспешно спрятала в дупло, а коробку выбросила подальше в кусты. Она зажмурилась и стянула губы в тонкую напряжённую линию.

– Надеюсь, всё будет в порядке. Заберу вас позже.

Глава шестая

Чувство тревоги не покидало до самых дверей Патрулата. А за ними стало ещё хуже. Еве всё время казалось, что на неё подозрительно смотрят.

– Рядовой, – окликнул высокий женский голос. Ева обернулась. Перед ней стояла высокая худенькая медсестра в шикарном брючном костюме с широкими штанинами. Её волосы забраны в тугую косу, а выправке мог позавидовать любой генерал.

– Да, – Ева вздрогнула и вытянулась по струнке, стараясь походить на медсестру.

– У вашего отряда сейчас осмотр, а сразу после него всех собирает Марк.

Девушка кивнула и, вытягивая носочек своих острых белых туфель, замаршировала в сторону кабинета. Ева знала, что заставлять ждать медиков нельзя.

У кабинета стояла такая же длинная очередь, как прошлым вечером, только теперь она делилась на мужскую и женскую. Ева оглядела всех и довольно улыбнулась. Ей нравилось, когда все делились на две колонны и молча стояли в ожидании. В этой чёткости она видела идеальную модель мира. Мужчины смотрели вперёд, сжимая в руках жетоны с номерами, женщины, даже не снимали их с шеи. Вокруг витал запах перечной мяты. Эфирные масла распыляли каждый раз, когда проходил осмотр. Помогал ли аромат сдерживать эмоции, Ева не знала. Но на её памяти никаких инцидентов во время ожидания не было.

Через двадцать минут после того, как Ева встала в очередь, её вызвали в кабинет. Привычные светлые стены и безразличное лицо медработника. Ева боялась любых манипуляций со своим телом, а здесь ещё и абсолютное равнодушие.

Агнесса – М1/1, легенда Патрулата. Получившая повышение до лейтенанта уже в пятнадцать, она автоматически стала примером для всех молодых патрульных. Высокая, стройная, словно над её телом и лицом трудились лучшие медики Шелтера. Длинные каштановые волосы собраны в хвост, длинные ресницы идеально разделены, создавалось ощущение, что они не настоящие. Агнесса жестом показала на серебристый стул, даже не обернувшись в сторону Евы. Она села и от неожиданности вздрогнула. Он был невероятно холодный, словно до Евы на нём не сидели живые люди. Острые ледяные кинжалы впивались в ноги и спину, заставляя девушку скривить и без того унылое лицо.

– Утром принимали энзомон? – голос Агнессы оказался не теплее стула.

– Да, я не пропускаю времени приёма, – Ева сглотнула, накопившуюся слюну и, вытянувшись в струну, снова посмотрела на Агнессу. Она напрочь забыла про энзомон. Слишком много событий. Глубокий вдох. Утром Ева проснулась раньше будильника. Не включила телевизор. Несколько минут стояла у окна, разглядывая просыпающийся город. Пустые улицы дышали тяжело и медленно. Они неспешно заполнялись прохожими. После позавтракала. Привела себя в порядок. Подошла к двери. Ева с облегчением выдохнула. Уже на выходе она вспомнила про энзомон. Вернулась и, стараясь не дышать, развела в стакане порошок и поспешно влила его в себя.

– Хорошо, тогда проблем не будет, снимите куртку, – Агнесса, совершенно не замечая присутствия Евы, молча делала все необходимые записи. Она дрожащей рукой выводила идеальные буквы. Иногда спотыкалась о сложные слова, поджимала губы и напрягала брови. Конечно, она боялась. Боялась допустить ошибку, сделать неправильный вывод или пропустить виновного из-за своей невнимательности. Но этого никто не должен был знать и видеть. Агнесса стремилась в высшие чины, а там трусы не в почёте. Бояться можно было только государство, разумеется, и уважать тоже.

Ева склонила голову, будто пыталась понять, почему медицинский работник замешкался, но, когда Агнесса повернулась с огромным, как её показалось, Артериум, инструментом, напоминающим старинные шприцы, она забыла обо всём на свете.

– Снимите куртку, – повторила Агнесса.

– Угу.

Сняв куртку и аккуратно повесив её на спинку стула, Ева изо всех сил попыталась расслабиться. С самого детства она боялась вида иголок.

Страх появился ещё в пятилетнем возрасте, когда она жила в школе распределения. Как-то ночью, часа в два, их разбудила сирена. Это было в порядке вещей, поэтому никто не испугался и не начал паниковать. Кроме мальчика, которого только на прошлой неделе привезли из Санктума. Совсем худого и вымотанного дорогой. Дети решили, что его спасли из лап предателей. Может, его серые глаза, казавшиеся чересчур большими, синяки под ними или чёткие скулы, а может, постоянная усталость навела их на такие мысли. Когда его только привезли, он несколько часов проплакал, сидя в углу общей спальни. А Ева садилась напротив, пока никто не видит, и с любопытством рассматривала мальчика.

Его рыжие волосы, прилипшие от пота ко лбу, напоминали о солнечных днях, когда разрешалось гулять на площадке. Разрешалось бегать. Только никто этого всё равно не делал. Дети уже тогда знали, что редкие прогулки были не чем иным, как проверкой. А ты достойный гражданин? Или жалкий предатель? Что ты выберешь – прогулки с визгами и смехом или тихие игры, развивающие умственные способности? Никому не нравятся шумные дети. Они испорченные детали в механизме счастливого будущего.

Мальчик несколько дней не поднимал глаз. Ева видела, как сильно он устал сидеть в этом углу, как изголодался. Она знала, что не должна ничего предпринимать, чтобы облегчить его немой протест, но сердце подсказывало другое.

По ночам, когда все уже крепко спали, мальчик вставал, на цыпочках пробирался в туалет и возвращался на место. Ева лежала неподвижно, спрятав голову под одеяло, она наблюдала за каждым его движением. Иногда подходил к окну. Забирался на стул, цеплялся за узкий подоконник и всматривался в серую стену. Однажды она решилась заговорить.

– Ты не сможешь.

Мальчик вздрогнул, но с места не двинулся. Он был на три года старше, от того, как сам говорил смелее. Ева встала и босыми ногами дошлёпала до него.

– Не сможешь выбраться. Они всё охраняют. Даже нас сейчас могут увидеть. Ты меня понимаешь? Нет выхода.

Мальчик продолжал молчать. Его серые глаза в свете луны казались серебристыми и очень яркими. Ева тогда подумала, что смотрела бы на эти глаза вечно. Они успокаивали, внушали доверие и мысль, что всё будет хорошо. Нечего бояться.

– Выход есть всегда. Только он тебе не всегда нравится. Ты хорошая. Не такая, как другие. У тебя есть сердце.

– Сердце?

– Ну это когда ты добрый и честный. Когда тебе жаль других, когда помогаешь им.

– Я ещё никому не помогала.

– Прямо сейчас ты помогаешь мне, – мальчик улыбнулся и взял Еву за руку. Она показала ему хрупкой, готовой рассыпаться от одного только прикосновения.

– Подожди, у меня что-то есть, – Ева мелкими, но быстрыми и уверенными шагами вернулась к своей постели. Залезла в кармашек платья, висевшего на стуле рядом, что-то достала и вернулась к мальчику, – вот.

Она протянула ему сухой пористый хлебный квадратик и смущённо опустила глаза. Мальчик тут же схватил его и прижал к носу. Аромат наполнил всё его тело как живительный эликсир. Но он не съел его сразу. Мальчик тянул удовольствие. Он вдыхал аромат раз за разом и глотал невидимые кусочки вместе со слюной. А когда он привык к запаху, хлеб отправился к нему прямым в рот.

– Спасибо.

Это обыкновенное «спасибо» Ева вспоминала каждый день. Слово было глотком воздуха. Чужая. Каждый раз ей казалось, что она здесь чужая. Словно лишняя деталь в конструкторе. Такой лишней она ощущала себя и в детстве, и будучи взрослой. Чувство, от которого невозможно избавиться. И куда бы ты ни бежал, с кем бы ни говорил, ты всегда будешь чужим, не на своём месте. Ева не знала, где оно, её место, оттого жила идеей создать его самой. А тогда в детстве, встреча с мальчиков вселила надежду, что есть такие же потерянные, как и она, такие же внесистемные.

Постепенно мальчик и Ева стали близки. По ночам он будил её, садился на кровать у стены и рассказывал про свободу, которой обладал раньше. Он обещал Еве защиту. Говорил, что теперь всегда будет рядом.

А когда их однажды разбудили в два часа ночи, мальчик заплакал, и Ева взяла его за руку. Это была, наверное, одна из самых её больших ошибок.

Их обоих отвели в медицинский отдел школы. Состоялся сложный для пятилетнего ребёнка разговор о предательстве, силе воли и воспитании. После они вытерпели по тридцать восемь уколов. Ева мало помнила о том, что было дальше. Она лишилась воли и остатков чувств. Ежедневные встречи с психологом, разговоры про мальчика и чувства в скором времени превратились лишь в смутное воспоминание маленькой девочки. Словно в одном из её снов. Через неделю мальчик исчез.

Пока Ева проваливалась в воспоминания, Агнесса, не мешкая, вонзила в вену тонкую иглу, и пробирка моментально наполнилась тёмной кровью. Ева вздрогнула и зажмурилась так сильно, что перед глазами появились тёмные пятна.

– Хорошо, теперь откройте рот.

Пока Агнесса брала со стеклянного стола лакмусовую полоску, пропитанную веществом с резким запахом, Ева пыталась не грохнуться со стула, потому что голова кружилась так, что с координацией явно было что-то не в порядке. Она снова сглотнула, открыла рот, невольно вдохнув запах, и почувствовала, как из низа живота вверх поднимается неприятное ощущение. Агнесса мгновенно провела полоской по внутренней стороне щеки, ярко-синяя.

– Всё в порядке! Волноваться не о чем, – всё о чём Ева могла думать.

Втайне каждый гражданин боялся, если полоска окрасится в другой цвет. Синий: количество энзона на нужном уровне. Можно не бояться. Но если полоска оказывалась зелёной или ещё хуже – оставалась белой, значило одно, среди граждан предатель. И не просто предатель, он самоубийца. Агнесса, вежливо улыбнулась, положила полоску в контейнер с именем «Ева», туда же отправила пробирку с кровью.

– Осталось только сделать укол.

– Я готова.

Кого я обманываю?! Я совершенно не готова. Пожалуйста, пусть это будет не больно, Ева уговаривала себя, мысленно обнимая ту маленькую девочку, на долю которой выпало мучение в виде тридцати восьми уколов.

Агнесса поднесла к шее Артерий, аппарат похожий на обыкновенную ручку, только вместо стержня игла и энзониум внутри, и Ева снова зажмурилась. Небольшой укол вызывает состояние, похожее на сон.

Глаза произвольно начали закрываться. Они слезились и неприятно пощипывали. Ева опустила голову и сглотнула очередной комок, подкативший к горлу. Казалось, её сейчас стошнит прямо на белые брюки Агнессы, которая, сложив руки на груди, с любопытством рассматривала Еву. Перед глазами всё плыло, очертания предметов становились всё более размытыми. Из носа текло из глаз тоже. Ева шмыгнула носом и втянула резкий неприятный запах лекарств и еле уловимый привкус крови.

– Вы готовы покинуть кабинет? После вас ещё многих нужно осмотреть, – Агнесса крепче сжала руки на груди и скрестила ноги.

– Да, я уже ухожу.

Ева встала с места, но тут же чуть не свалилась под стул, ухватившись за железную спинку. В ушах звенело, она почти не понимала, куда идти. Единственное, что она могла – считать секунды, через которые сонезия должна пройти. Эффект от энзониума, введённого напрямую в вену никогда не был для Евы простым. Однажды она потеряла сознание на несколько часов. А когда очнулась, перед ней сидела доктор Р. и что-то записывала в свой невыносимо яркий ежедневник. Ручка бегала от одного края листа к другому, а доктор шептала себе под нос: «Интересно! В три раза больше. Феноменально». Ева не понимала этого бормотания, но одно уяснила для себя на сто процентов – такого больше не должно повториться.

Забрав документы и покачиваясь, ей всё-таки удалось самостоятельно выйти из кабинета. Она непроизвольно потёрла глаза и поняла, что текут слёзы. Добравшись до рабочего места, упала на стул, уставившись в одну точку, каждый раз это помогало сосредоточиться и позволяет организму скорее прийти в себя после сонезии.

По плечу кто-то постучал, но Ева была не в силах повернуться, поэтому проигнорировала повторное постукивание.

– Ева...Ева! – Марта. Она стояла рядом и тыкала пальцем в плечо, – ты как?

– Сонезия не прошла, до сих пор чувствую себя неважно, – Ева выдавливала слово за словом, пытаясь дышать ровно.

– Такое бывает, – улыбнулась Марта и снова похлопала подругу по плечу, отчего к горлу подкатил рвотный ком, Ева сделала несколько глубоких вдохов, поморщилась и попыталась сосредоточиться на лице подруги.

– Ты уже посещала Медициариум?

– Нет, наш отряд не участвует в Зачистке. Так что осмотр будет по расписанию.

Евы хватило только на то, чтобы кивнуть и снова склониться над столом, пытаясь сдержать рвотные позывы.

– Эй, – прошептала Марта, – я думаю, тебе стоит вернуться к Агнессе, кажется, что-то не так!

– Нет, всё в порядке, – Ева старательно выдавила улыбку и выпрямила спину, – иди работай. Мне тоже нужно ещё много сделать.

Марта недоверчиво кивнула. Она несколько раз видела Еву в таком состоянии и сейчас не имела представления, как та отправится на ночную Зачистку. Марта надеялась, что Еве станет ещё хуже, и это заставит её остаться дома или в Медициариуме под наблюдением. Марта тоже готовилась сражаться, но только по другую сторону баррикад. Она несколько месяцев устраивала вылазки за стену, вербовала людей, хотя знала, что открывает им дорогу к быстрой смерти.

Ева уже не могла сдерживаться и растеклась по столу, чем привлекала внимание не только подруги, но и проходящих мимо патрульных. Через какое-то время страх сменился тревогой. Голова не переставала кружиться. Появилось незнакомое ощущение – волнение. Но к Агнессе возвращаться Ева не хотела, ведь если бы что-то действительно пошло не так, она имела право отстранить её от участия в операции, а ей этого очень не хотелось.

Я всю свою жизнь шла к цели – стать патрульным и дослужиться до высшего чина, чтобы помогать Шелте в управлении городом. А Зачистка – прекрасная возможность показать, на что я способна. «Соберись», – скомандовала себе Ева выпрямилась, чуть склонив голову, потому что в этом положении не так сильно тошнило.

До вечера она просидела за столом, вглядываясь в документы. Папка с бумагами на выдачу энзомона, положение о переводе некоторых предметов искусства, список прилагается, есть и другой список, в нём указывается, что и каким образом необходимо сдать в ОИ*-3 и ОИ-1.

Однажды Ева посещала ОИ-1, около года назад. Больше сорока этажей вверх и двадцати под землю. Всё разбито на секции: живопись, музыка, литература и так далее. Именно там она впервые увидела книги. Их нельзя сравнить с привычными электронными носителями, до отказа забитыми правилами и законами. ЖАБА в девяти томах – самое ценное, что там находилось. В настоящих книгах было что-то, чего она не понимала, какая-то тайна, которую хотелось разгадать.

После первого посещения Ева стала чаще ходить в библиотеку, садилась на самые дальние ряды, брала какую-нибудь совершенно глупую книгу, что-то вроде «Преступления и наказания», и читала, пытаясь осознать то, какими ужасными были люди до Великой войны. Их мысли и слова, лишённые логики и здравого смысла, не переставали затягивать в пучину таких опасных размышлений. Но больше всего удивляло убийство, его смысл был понятен меньше всего. Например, Раскольников убил старуху, чтобы проверить свою теорию, просто проверить. Жизнь не представляла для него ценности. Да и люди, которых он встречал на своём пути, не ценили её. А концовка, по мнению Евы, была прекрасна. Она перечитывала её сотни раз. Служители закона арестовали убийцу и казнили. На последней странице красовалась пометка «Сюжет сохранён, изменены лишь незначительные детали».

Ровно в 18:00 Марк собрал весь отряд в большом зале. Он встал на какой-то ящик, чтобы возвыситься даже над самыми рослыми парнями.

Наполеон, подумала Ева и невольно хихинула. Кто-то ткнул её в бок, но кто именно она не успела рассмотреть, толпа начала двигаться вперёд, выталкивая Еву прямо под струю из зловонной слюны Марка.

– Сегодня мы не будем весь день просиживать штаны, – громким и писклявым голосом застонал Марк, – нашему отряду оказали честь, мы поможем в задержании нарушителя.

– Ещё одного? – непроизвольно вырвалось из груди, и Ева тысячу раз пожалела о вопросе.

– Что значит ещё одного? – громче сказал Марк и, встав с места, подошёл к Еве так близко, что она в полной мере ощутила запах у него изо рта. Запах гниющих остатков пищи между зубами. Она слегка прищурилась, и к горлу подкатил ком.

О нет, меня сейчас стошнит.

Раньше Марта спрашивала подругу, чувствует ли она этот жуткий запах, Еве всегда казалось, что нет... Но сейчас она была готова извергнуть из себя не только еду, но и сам желудок.

– Я... я просто слышала, что Сару, из секретариата, поймали не так давно с мужчиной. Они нарушили статью 25/293⁴... кажется, – выдавила она из себя, стараясь удержать подкатывающий ком внутри.

– Да, – с довольной ухмылкой протянул Марк и вернулся на своё место.

– А кого будем задерживать мы? – спросил высокий, худощавый, с копной кудрявых чёрных волос парень.

Кажется, он не из нашего отряда.

– Подвальные, – сквозь зубы процедил Марк, даже не обернувшись на него, – эти крысы начинают выбираться из своих нор.

Подвальные – так зовут тех, кто чувствует, предателей. Кто-то из них не прошёл элем, кто-то не принимал энзомон, но все они нарушители, распространители заразы. Около двадцати лет назад накрыли базу сопротивления, она находилась в самом центре Шелтера, в подвале Народного дворца. Тогда погибло много патрульных, а Марк получил тяжёлое ранение и должность командира. Никто и подумать не мог, что им хватит смелости расположиться

⁴ Глава 25. Преступления личного характера. Статья 293. Граждане, вступившие в связь, автоматически признаются предателями и подлежат усыпанию. Если гражданин, узнавший о связи, не сообщит в любое отделение Патрулата или своему руководству, его признают соучастником и также усыпят.

именно там. С тех пор их зовут подвальными. Ещё были смертники – те, кто решился уйти за стену. Их боялись больше всего.

Раздался громкий звук сирены, и все патрульные вышли на площадь перед Патрулатом. На огромном экране, который видно за сотни метров, появился Консолидатор Тиг. Он говорил громко, отчеканивая каждое слово.

– Чувства ради чувств, вот, что мешало людям мыслить разумно. Кто сейчас может сказать – я так чувствую, мне подсказало сердце. Я думаю, я знаю, я уверен – вот те слова, которые заставляют историю двигаться вперёд. Из-за чувств разгорались войны. Мужчины убивали друг друга на дуэлях, женщины, ведомые эмоциями, становились похожими на животных. Сейчас, благодаря Шелте, мы можем быть спокойны. Да, славится Шелта! – громко, переходя на крик, говорил Тиг, и толпа вдохновенно повторяла за ним

«Да, славится Шелта! Шелта!» – отражалось от стен Патрулата и эхом катилось по площади.

Ева всматривалась в лица и пыталась понять, почему все они готовы в одном порыве кричать и восхвалять. Нет, она чувствовала то же самое, наверняка. Гордость за город и его достижение, уважение к Тигу и безграничную любовь к Шелте, но она не понимала этого ощущения единства в толпе. Все эти люди казались ей такими одинаковыми. Даже выражение их лиц ничего не говорило о том, кем они являются на самом деле. Сейчас каждый из них, пропитанный духом толпы, готовый делать всё, что ему говорят, скорее походил на безвольное животное, которое идёт на убой. Ева видела эти стада под предводительством пастуха-убийцы.

После речи Консолидатора патрульные разбрелись по рабочим местам и как обычно уселись за столы. Ева была в восторге от одной только мысли, что ей представится возможность очистить город от преступников и, возможно, шанс отметиться перед начальниками отрядов. Она вдохновенно взялась за документы, фантазируя о том, как получит свой первый пистолет, как засунет его в кобуру на поясе и гордо пройдёт мимо новичков, которым ещё только предстоит получение оружия. Ей больше всего на свете хотелось быть замеченной в этот важный день. Она не представляла, что будет происходить на самом деле, но мысль о перспективах грела сердце.

Стрелка на огромных часах на стене спустилась со шелчком, обратив на себя внимание. Двадцать два часа сорок семь минут. Через восемь минут всех соберут в холле на нулевом этаже, выдадут оружие, посадят в автобусы и повезут к окраине города, где предположительно находятся Подвальные.

– Ты боишься? – Марта прикоснулась к плечу подруги и нежно его сжала.

– Нет, – отрезала Ева и резко встала с места, – нужно идти, почти одиннадцать.

– А, я боюсь, – прошептала Марта, словно самой себе.

Она, не дождавшись ответа, встала и ушла, оставив подругу одну наблюдать за её удаляющимся силуэтом.

Ева напряглась, немного привстала, готовая сорваться, пробежать по коридорам Патрулата, расталкивая всех и каждого. Она смотрела вслед Марте. Напряжённая и сжавшаяся в один большой ком. Марта прощалась, – стукнуло в голове, Ева непроизвольно свела брови и сжала кулаки. Прощалась.

Ровно в одиннадцать часов все патрульные выстроились в идеальные ряды в ожидании начальников. Потом длинная речь с наставлениями, каждый командир считал, что именно он должен сказать, как будет гордиться своим отрядом, который убьёт больше всех подвальных. Все они ждали этого дня как праздника. За речью следовало торжественное вручение оружия. Каждому молодому патрульному на стволе проставлялся номер, за его потерю грозило увольнение, а это было хуже смерти. Ближе к одиннадцати молодые патрульные и их командиры уже сидели в автобусах.

Глава седьмая

Сильный ветер раскачивал даже старые крепкие деревья, посаженные, казалось, ещё четыре сотни лет тому назад. В окнах уже не горел свет, и опустевшие улицы показались Еве необыкновенно одинокими. Из них, словно выкачали все остатки жизни, которая тут роилась днём. В автобусе витал еле уловимый запах пота. Все волновались, вытирая влажные ладони прямо о колени. Ева лбом прижалась к стеклу и почувствовала лёгкую прохладу, докатившуюся до самых пяток. За стеклом автобуса мелькали одинаковые безликие сиреневые и белые здания. Ева сначала хотела назвать их домами, но эта мысль показалась слишком глупой. Кто там жил? Такие же одинаковые люди. Они каждое утро принимали таблетку, разбавляли порошок, слушали выступление и безропотно шли на службу. После выезжали в спортивные центры или на пляж, полюбоваться закатом. Хотя всё это любованье ничего не значило. Ходили все по привычке, как делали многие до них – встречали рассветы и провожали закаты. Пляж – место куда приходили умирать. Все несогласные с режимом либо уходили в сопротивление, либо заканчивали жизнь самоубийством у воды. Об этом было не принято говорить, но каждый житель знал, жёлтый пляжный песок уже давно наполовину смешался с кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.